

ЕВГЕНИИ КАПБА



НА  
ЗУЛОТОМ  
4  
КРЫЛЬЦЕ

# Евгений Капба

## На золотом крыльце – 4

*<https://litres.ru/73586127>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

Настоящий, всамделишный маг Миха Титов и его подруга, тоже самая настоящая-стоцентная волшебница, Эля Кантемирова отправляются на "негативную практику" - им предстоит выживать в экстремальных условиях без применения магии! Шеф Пеллинского экспериментального колледжа привык решать проблемы радикально, даже если проблема эта - самый большой грех магов. И не важно, что к Михе и Эле он относится в самую последнюю очередь

Примечания автора

Автор обложки Миродар Госс

# Содержание

Глава 1. Зима	4
Глава 2. Поединок	19
Глава 3. Последствия	33
Глава 4. Очень важная задача	47
Глава 5. Начало пути	62
Глава 6. Свобода	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

# Евгений Капба

## На золотом крыльце – 4

### Глава 1. Зима

Сессию я сдал средненько. Ну как – средненько? Смотря с чем сравнивать. Или с кем. У Эли одни восьмерки и девятки стояли, например. А Юревич все, кроме прикладного-боевого, на шесть-семь сдавал, Выходцева со Святцевой вообще весь диапазон в своих табелях видали: от минимально проходной четверки до десятки. А у меня при в общем-то очень приличных баллах две семерки нарисовались. Первая по артефакторике – у Бориса Борисовича. Ну, здесь ничего удивительного, он меня любил особенно и на экзамене вздрючил как положено.

А вторая семерка – по стихиям. Стихийная магия мне никогда не нравилась. Меня преподаша наша, Стелла Амвросиевна Выбегалло, даже нонконформистом обозвала. Мол, Титову что угодно, только бы не как все. Мол, я специально на занятиях по стихийной магии ленюсь и не выкладываюсь на все сто, работаю спустя рукава. А я не ленюсь. Я вот базовый минимум – могу. А профильный максимум – это без меня. Кастовать файерболы, махаться водяными плетями, провалы в земле мутить и попутный ветер для кораблей забабахать

– не-не-не. стакан воды из атмосферы, огонек на ладошке, ощущение пустот под землей или там сквознячок – вот это мой стихийный уровень, я его прекрасно знаю. А чтоб выше головы прыгнуть – это выдрючиваться надо и кучу времени потратить. Мне ни того, ни другого не хочется!

Основной моей отметкой в этом семестре стала восьмерка. «Почти отлично», если по-русски. И это закономерно – я же носился, как Сивка-Бурка, вместо того, чтобы учиться волшебному делу настоящим образом! Если бы не Библиотека, вообще слетел бы в середнячки, а так – телепался на страничке колледжа в Сети внизу вкладки «Наша гордость». Да, да, такая тут тоже была. Чтобы поддерживать что-то типа соревновательного духа. Получается, я оказался худшим из лучших.

Но зато – инициировался. Нас теперь трое таких на курсе было – Юревич, Ермолова-Кантемирова и я. С Тинголовым в этом плане существовали разночтения: очень уж дар у него редкий. Поиграть на дудочке и привести стадо тварей в несколько сотен голов на убой – это уже уровень мага второго порядка или нет? При этом в остальном галадрим выше головы не прыгал: тот же огонек на ладошке и стакан воды из воздуха, что и у меня. Даже Ян Амосович разводил руками по поводу нашего Руари.

А я разводил руками под взглядом Барбашина, который укоризненно глядел в мой табель на экране планшета.

– Михаил Федорович Титов, – сказал он укоризненно. –

Такой талантливый парень! Одаренный, можно сказать.

– Ну а что? Я разве подписывался отличником быть? У меня вон работы полно. – Я сунул руки в карманы. – Имею право, я взрослый человек! Чьим вообще ожиданиям я должен соответствовать?

– Помощник столяра, сборщик мебели, рабочий сцены, курьер, теперь – кровельщик? И еще этот, как его... консультант по упорядочиванию и формированию библиотечных фондов! – поднял палец мой бывший куратор.

Я аж вздрогнул. Докопались-таки? С другой стороны – а могло быть иначе?

– Применяю свои таланты с Божьей помощью и по собственному разумению, – снова развел руками я. Этот жест в сегодняшнем разговоре становился с моей стороны основным. – Нравится чувствовать туго набитый кошелек в руках. Или на циферки на банковском счете пялиться. Мне голодранцем быть не подходит, пробовал. И вообще, я в одной статье читал, в газете – «нет стыдной работы, есть стыдное безделье!»

– Но библиотечные фонды?.. – поднял бровь князь-опричник. – Это каким боком?

– А вы знаете какая библиотека у деда Кости на Лукоморье! – сделал невинное лицо я. – Я полдетства в ней провел и кое-что в этом смысле. А тут у нас Ингрия, культурная столица! У людей богатый внутренний мир, они книги любят. Но часто в голове у местной интеллигенции такая каша, что

систематизировать свое духовное и интеллектуальное богатство самостоятельно они не могут... Вот я и помогаю!

Больше всего мне в этой моей тираде понравилось то, что я ни разу не соврал. Вот могу же нарезать как положено, если голову включаю!

– Ну-ну... – покивал Барбашин. – Но дело ведь не только в работах, да? Подвиги, любовь...

– Хоть слово скажите про Элю, – я прищурился, – и посмотрите, что будет.

– Спокойно, Миша. – Он даже экран на планшете выключил. – Спокойно. Я ведь не враг тебе, не начальник и даже больше не куратор. Ты взрослый мужчина, по всем меркам, а после второй инициации – мы с тобой и вовсе на одном уровне. Я понимаю, что тебя задержали уже с этой темой, и очень уважаю твой выбор и твое стремление защитить по-другу...

– А ее не особенно надо защищать, она теперь с нами тоже на одном уровне, – ухмыльнулся я. – Вон за окно взгляните, там общежитие в эклектичном стиле, с элементами барокко, неоготики и рококо, видите?

– А-а-ага? – Князь со странным выражением лица взглянул в окно, где царил снежный ингерманландский декабрь. – Что, правда – она?

– Ну, – кивнул я. – Вот представьте: свидание, первое-настоящее, после долгого расставания, и девочке захотелось романтики, чтоб все красиво. Ну и...

– Да-а-а-а... – протянул Барбашин. – Силища, конечно, запредельная. И прямо что угодно может трансмутировать?

Мы с Элей после *той ночи* пошли к директору и признались – без подробностей. Мол, свидание было, встречаемся мы. Котика предъявили. Эльвира в своей обычной манере быстро-быстро принялась рассказывать, как ей хотелось, чтобы вокруг все было эстетично и атмосферно, как она волновалась перед встречей со мной, как я и Бабай Сархан ей сильно помогли и как ее мама выздоровела. Полуэктов долго ухмылялся в бороду. Конечно, он был доволен как слон: еще одна инициация второго порядка! Жирный плюс! А нюансы есть нюансы, они в случае с инициациями вообще мало кого волнуют. В конце концов, мы – два взрослых человека, более того, принадлежим к ничтожно малому проценту самых могущественных людей в Государстве Российском! Мы – маги натуральные, настоящие и всамделишные. К тому же – внеклановые.

Ага. Эльвира фамилию поменяла, но клану Кантемировых не присягала и в него формально не вошла. Но это отдельная песня...

– Ну, не прямо-таки «что угодно», – сказал я, поминая про себя дракона и его шутки про мушкетеров. – Неживое – лучше, живое – хуже, разумное – вообще никак. Позавчера приезжал Шакловитый – знаете такого? Вот он нас экзаменовал, способности оценивал.

– И что, и что? – заинтересовался Барбашин, кажется, уже

и позабыв о цели своего прибытия в Пеллу.

– Привезли машину металлолома, тонн двадцать, наверное. Выгрузили на площадке, во-он там, под куполом. Эля из вторчермета шахматных фигур наделала, в человеческий рост, а я их драться заставил. Рубилово было – у-у-у-у...

– А! Я этот видос в «Эхе» видел. На страничке у Шакловичего. Он любитель эхони выставлять. Но что ваших рук дело – не знал. – Вдруг лицо князя просветлело. Улыбка на его лице стала такой счастливой, как будто он разом решил если не все, то как минимум половину своих проблем. Он сказал: – Миша! Так это же прекрасно! Вы же можете отправиться на практику по выживанию вдвоем! А Юревичу напарники и вовсе не нужны, учитывая его ситуацию... Или Тинголова ему определим. Это сильно упрощает дело!

– Та-а-а-ак! – Я уставился на бывшего куратора с подозрением. – Еще одна мутная практика? А летом это что было – легкая прогулка?

– Практику по выживанию называют еще «негаторной», – пояснил куратор. – Ее три года назад ввели, как раз с подачи этого твоего Пепеляева. Он же в человеческой ипостаси – нулевка, знаешь? Пару раз наглядно объяснял господам магам – то есть нам, – чего стоит...

– ...самонадеянность. – Я кивнул. – Понятно. Если у вас получится нас с Элей в одну команду определить – будет офигенно. Мне прошлого раза хватило, когда их аспиды покусали... Бр-р-р-р-р!

– А нюансы не интересуют? – удивился Барбашин.

– А что – нюансы? Если «выживание» – значит, скорее всего, лес, пустыня, горы или другая дикая дичь, в хорошем смысле этого слова. Если «негативная» – значит, повесите на нас негативы, и мы будем выживать без магии. А раз мы уже магии второго порядка, значит – ценный ресурс, и гробить нас без дай-причины не станут, невыгодно это. Нас родное богохранимое отечество употреблять станет с чувством, с толком, с расстановкой. Поэтому возможность снять негативы в случае крайней опасности у нас будет, – нарезал я. – Хотя, конечно, если снимем, то... Что? Вылетим из колледжа?

Барбашин сделал неопределенный жест рукой. А потом сказал с видимым одобрением:

– Сильно разумный вырос! И где тот парень, который энциклопедией дрался? Но ты не думай: просто не будет. В таких вопросах индивидуальный подход – это то что доктор прописал! Держи вот, ознакомься. – Он протянул мне брошюру с глянцевой обложкой, напечатанную на хорошей белой бумаге.

– «Оазисы Васюганской Хтони. Автор – Ф.И. Поликлиников, доктор хтонических наук, гросс-профессор Ученой Стражи». Что за фамилия такая дурацкая: Поликлиников? – удивился я. – Такие разве бывают? Реанимациев, Амбулаторнов, Кожвен-Диспансерский... Гы!

– Это псевдоним, – погрозил он мне пальцем. – И не гыкай мне тут! Все, изучай, а мне еще с начальством вашим

переговорить. Практика у вас через два дня начинается, есть время подготовиться.

\*\*\*

На улице сияло солнце, искрился снег, веточки деревьев обледенели и, кажется, позвякивали. Мороз щипал лицо, дыхание вырывалось изо рта клубами белого пара. На карнизах учебных корпусов и общежитий висели сосульки, старался-пыхтел на дорожке Маленький Братец, выгребая снег и пиликая что-то на своем, на роботском. Зимняя сказка!

Я никогда особенно не любил зиму, но если на тебе надет комбез «Арктика++» опричного производства и ботинки с подогревом – любой холод переносится гораздо легче. Надвинув на уши шапку, самую обычную ушанку, которую купил на рыночке в Пелле, я шел встречать Элю – у нее вот-вот должны были закончиться танцы.

Кантемирова (ох как же трудно к этому все-таки привыкнуть!) легко сбежала по крыльцу мне навстречу. Она, вся румяная и сияющая, в приталенном полушубке и изящных валеночках, выглядела просто замечательно. А вязаная красная шапка с помпоном добавляли ей какой-то непосредственности и несерьезности.

– Привет! – замахала она на ходу и заулыбалась – очень красиво.

Варежки на ладошках у нее были тоже красные. Это она так отсутствие красной косынки компенсировала, похоже. Порыв ветра сдул снег с ближайших деревьев, и белые хло-

пья полетели на яркую шапку, полушубок и аккуратненький носик девушки. Она сдула снежинку и засмеялась.

– Ты как Снегурочка! – сказал я. А потом вспомнил, о чем читал в брошюре Поликлиникова, и вздрогнул: – Не-не-не-не...

– Что значит – «не-не»? – удивилась она и кинулась ко мне – обниматься.

Зимой это особенно забавное занятие – обнимание. Одежды на каждом – несколько слоев, все такие толстенькие и плотненькие, как пингвины, и объятия тоже получают пингвинячи. Но все равно – приятно. Она меня еще и в нос чмокнула!

– Так что там со Снегурочками не так? – спросила Эля.

– Негаторная практика, – пояснил я. – Барбашин приходил, вот – брошюрку мне принес. Как бы намекает.

Я достал из набедренного кармана книжечку и показал ей.

– О, шефа нашего творение, – тут же распознала она. – Федора Иоанновича! У нас такая была, Клавдий по ней учился.

– Ого... – Я, честно говоря, офигел от такой информации. Но потом спохватился: – Есть и хорошая новость: мы будем в одной команде, князь обещал! Ура?

– Ура, конечно! – легко согласилась Эльвира и спросила: – Пошли?

Кантемирова взяла меня под локоть, и мы двинулись вперед по аллее. Под нашими ногами похрустывал снег, темне-

ло, загорались фонари – один за другим. Мы помалкивали. Я посматривал на Элю, внутри меня все свербело, и наконец я не выдержал:

– Поликлиников – это цесаревич Федор?

– Ну да! Я думала – это все знают! – А потом слегка испуганно прижала ладошку в варежке ко рту. – Прости, Мих, я не это имела...

– Не, не, все нормально, – замахал руками я. – Я и вправду не особенно жизнью династии интересовался. Да и сейчас не интересуюсь больше необходимого. Разве что в самых общих чертах.

– Ну, все же знают, что Дмитрий у нас – по военной части, Василий – по экономической, а Федор – по научной, да? Вот, он в молодости экологией Оазисов занимался, изучал воздействие Хтони на живые организмы, много лет провел в Васюгане...

– Вообще-то, не только по научной, – задумчиво проговорил я, вспоминая все, что знал о царевице, особенно про его умение внушать шок и трепет всем, включая хозяев Хтони. – Многогранная личность – младший сын нашего Государя. Но почему – Поликлиников?

– Мне самой было жутко интересно! Зачем псевдоним – понятно, подписывать научные работы «Грозный» – довольно странно. Но есть же какие-то официальные фамилии, когда члены династии путешествуют инкогнито. Смарагдовы, например, или Ионины, – принялась оживленно жестикули-

ровать Эля. – Я у всех спрашивала, и все только отмахивались. Даже мама и дед! Знаешь, кто ответил?

– М?

– Алиска, Клавдиева. Ну, Селезнева. Она же в Александровской слободе работает, в каком-то НИИ. Они там Грозных через день видят. И вообще – попаданка, ты же знаешь. Так вот, она смеялась сначала, а потом сказала что-то странное, типа – «для опытов!» – Настал черед Кантемировой разводить руками.

Вдруг из кармана ее полушубка раздалась веселенькая мелодия – скрипочки какие-то. Эля вообще мелодии на звонке меняла чуть ли не каждый день.

– О, вспомнила Клавдия, – сказала она, свайпая по экрану. – Странно, он мне больше недели не звонил... Вообще – дуется, что я фамилию сменила. А теперь чего?

Она засунула смартфон под краешек шапки, прижав его к уху, и заговорила:

– Привет, братик! – Сразу ее тон был доброжелательным, но потом голос Эли зазвенел, она сильно нервничала. – Что? Это почему? Зачем тебе? Клавдий, ты не... Что ты такое говоришь! Почему? Да потому! Что-о-о? Знаешь, Клавдий, я думала – уж ты-то поймешь! Хочешь – говори. И мне ни капельки тебя потом не жалко будет!

Я все это время пребывал в состоянии недоумения. Мне казалось – у этих двоих были нормальные отношения! А тут – прямо ругались, и Эля очень сильно злилась! Конечно, она

ушла из клана, предала наследие и все такое, но младший Ермолов и сам не мог считаться образцом темного консерватизма. Встречался со светлой – и в основном по переписке, подумать только!

А потом Эля протянула мне свой телефон:

– Миха, он хочет говорить с тобой. – На ее лице застыло досадливое выражение. – Будет плести всякую фигню, я уверена. И знаешь что? Делай с этим что хочешь. Мне все равно. Мое отношение к тебе не изменится, что бы ни произошло.

Это звучало странно, но аппарат я взял.

– Титов слушает, – проговорил я.

– Слушаешь, гаденыш малолетний? – Голос Клавдия просто сочился ядом. – Я знаю, что это из-за тебя. Ты, мерзавец, используешь Элю! Как ты это сделал? Ты спал с ней? Наложил заклятье? Приворожил? Под кем ходишь, Титов? Чей ты человек? Воронцова? Нахичеванского?

– Ты втираешь мне какую-то дичь, – сказал я, свирепея.

– Я вызываю тебя, – прохрипел телефон. – Ты – маг второго порядка, это законно.

– Время и место? – спросил я.

– Зброшенный док номер семнадцать Пеллинского судоремонтного завода, знаешь, где это?

– Узнаю.

– Приходи сегодня в полночь. Не бойся, я тебя убивать не стану... Поговорим и разберемся, как мужчина с женщиной. Как маг с магом... Оставь мою девочку в покое, слышишь?

– Пафосная дичь, – вздохнул я. – До встречи.

И отдал телефон Эльвире.

– Клавдий обещал открутить тебе голову за мою поруганную девичью честь? – глянула на меня она.

– Типа того. Пока что предложил просто поговорить. – Я считал себя человеком порядочным и потому старался лиш-  
ний раз не лгать. – Встретиться один на один.

Недоговаривать – другое дело. Даже любимой девушке. Особенно – любимой девушке.

– И что ты думаешь делать? – поинтересовалась она. А потом заявила: – Если что – можешь не ходить, мне пофиг. Я не для того от них ушла, чтобы терпеть ермоловские забавы дальше. Меня от них уже тошнит!

– Ну, пойду. Ну, поговорю, – пожал плечами я. – Будет наезжать – стану сопротивляться. Хоть Клавдий и наговорил мне какой-то бредятины, но он – твой брат, и я видел, как он о тебе заботится. Значит, глубоко внутри у него есть что-то хорошее... Наверное.

Я кривил душой, на самом деле. Историю про Ермоловых и кхзадов я помнил хорошо.

– Знаешь, – Эльвира переминалась с ноги на ногу, ей было явно неловко такое говорить, – Клавдий из тех людей, до которых действительно важные вещи доходят только через болезненный опыт. Например, до того, как он отправился в Паннонию с этой своей Селезневой, он был страшным снобом, за равных почитал только магов человеческого проис-

хождения, да и то... А вернулся с гораздо более широкими взглядами! Алиска мне сказала по секрету, что ему там кто-то напощал! Плохо такое говорить про родного брата, конечно, но уж как есть...

– Хотелось бы без этого как-то обойтись, конечно, – признался я.

Мне было страшновато: все-таки Клавдий очень, очень крутой и, в отличие от меня, реально воевал. Но я в рукаве имел не туза, а целого джокера, о чем пока мало кто знал...

– Фу, – сказала Эля. – Какие противные разговоры мы с тобой ведем. Вроде вот договорились про «стань сам себе предком», а все равно – от родни никуда не деться.

– Ага! – вздохнул я. – А я все жду, когда батя объявится. Он ведь сделает это, и скоро! Есть у меня такое наитие... Пошли лучше к Лейхенбергу, он обещал какой-то кхазадский безалкогольный пунш сегодня замутить. И меня звал!

– А я не помешаю? – запереживала Эля. – Он все время ворчит, когда меня видит!

– О нет, Эля, тебя он сильно любит, хоть этого и не показывает.

– Да-а-а? А я думала, он ругается...

– Не-е-ет, «шёнес хенсеблюмхен» – это «прекрасная маргаритка!» – заверил ее я. – А «хуемадхен» – это «хорошая девочка».

– Хи-и-и-и-и!

Мы шли и смеялись, и толкались, и кидались снежками,

и были счастливы.

## Глава 2. Поединок

В заброшенный док меня провел Вяземский. Это, конечно, звучит диковато, но Афанасий в зимний период взял – и пошел работать на завод. И устроил его туда я, через Фрола. Ну, как – устроил? Узнал информацию, что такой специалист там пригодился бы, и довел ее до ушей Вяземского. Он сразу офигел, конечно, а потом прикинул, посчитал деньги – и пошел на проходную договариваться о подработке.

Ну а что? Княжич даром что из великого клана, а на кармане свои средства иметь хочется и практиковать магию – тоже. С его специализацией на льде и холоде – предприятие готово было платить бешеные деньги! Ну, представьте, никакого обледенения на корпусах, незамерзающая гавань, и все такое... Вяземский оказался очень востребован, ему даже прозрачно намекали на контракты за пределами Пеллы – в отдаленной перспективе.

И вот теперь я следом за Афанасием шагал по почищенной от снега дорожке, вдоль административных корпусов, складских зданий и сухих доков в сторону самой дальней, забытой Богом и коллективом завода части промзоны. На молодом маге было легкое пальтишко, под ним – костюм-тройка с белой рубашкой. Никакого головного убора – его черные длинные волосы трепал ветер. М-да.

*«Холод всегда мне был по душе! – женским голосом про-*

*пела остаточная память Руслана Королева. – Отпусти и забудь!»*

Мне почему-то стало дико смешно, хотя я и не понимал причин своей веселости.

Спустя шагов двести Вяземский остановился. Развернувшись на каблуках, княжич жестом руки притормозил и меня. Мы находились у забора из ржавой сетки-рабицы, дальше громоздились только груды металла, остовы кораблей и вдалеке виднелась крыша эллинга.

– Он тебя уже там дожидается, – испытующе глянул на меня Вяземский. – Ты, Титов, конечно, парень бедовый, но это – Ермолов. Клавдий! Говорят, он семерых убил только за три года на дуэлях, и не последние маги были... Это ли не повод задуматься?

– Волнуешься за меня? – ухмыльнулся я, глядя ему в глаза.

– Вот еще! Подохнешь – я к Кантемировой снова подкапывать стану. Она ж теперь не Ермолова, почему бы и нет? – вернул мне ухмылку он.

– Скотина ты, Афанасий, – констатировал я. – Беспринципный мерзавец.

– А ты – позер и дурак, – парировал он. – И этот... Латентный парасуицидник. Продолжим выдавать очевидные вещи за оскорбления или ты пойдешь туда и порешаешь свои вопросы?

– Пойду, – сказал я. – Если через час ни я, ни он оттуда

не выйдем – сообщу, например, Борису Борисовичу.

– Сообщу. Лезть за тебя под удар Тьмы я не буду, Титов. Это ты и так понимаешь. Но к Розену в лабораторию в случае чего – доставлю. – Вяземский смотрел на меня с явным сожалением. – Дурак ты, что к нам в клан не пошел. Вяземские – нормальные. Кабальные у нас живут зажиточно, Государю мы никогда не изменяли, земли – полно... Взял бы двойную фамилию, Титов-Вяземский, были бы мы с тобой кузенами и очень влиятельными людьми...

– Я польщен, правда. Даже растроган, – снова оскалился я. – Обещаю – ваше предложение рассмотрю первым, если идея лучезарного сплочения и высокодуховного родственного единства с каким угодно кланом вообще станет для меня привлекательной. Я – сам по себе, Вяземский. При всем уважении.

– Дурак, я же говорю. – Он махнул рукой и пошел прочь. Даже странно, как порой те, кто раньше казался воплощением всего, что мы ненавидим, открываются с другой стороны. Афанасий – неплохой, просто – продукт среды, в которой воспитан. Но я-то тоже своего рода продукт! Даже – фрукт, если говорить начистоту.

– Питайся, – сказал я вслух. – Или маракуйя.

А потом отодвинул погнутую створку ворот из металлопрофиля и прошел за ограждение. Снег тут тысячу лет никто не чистил, навалило по колено. Эдакий белый ковер – чистый, нетронутый. По воздуху, что ли, Клавдий сюда при-

летел? На снегу-то следы должны были хорошо отпечататься. Хотя – с него станется. Есть же у Ермоловых эти левитирующие диски!

Я шагал по колено в снегу к доку №17, и на душе у меня было тревожно и неуютно. Уже отсюда, метров за триста, я видел этот кошмар в эфире: щупальца тьмы дергались и извивались, пронзая огромный эллинг – крытый ангар. Здоровенные такие щупальца, толщиной с мою ногу, и длиннющие – метров пятнадцать или двадцать. Это не аура, это дикая дичь просто! И я туда должен идти! Зачем мне это вообще, можно я чай пойду пить, с баранками?

– Я вижу тебя! – раздался голос как будто из преисподней, и щупальца рванулись ко мне.

Клавдий не собирался мешкать: он решил разделаться со мной сразу, даже не выходя из укрытия. Ну, так и я в таком случае мог не миндальничать: мои руки сжались в кулаки, и эллинг тоже сжался, повинувшись движениям вездесущих серебряных нитей. С жутким стоном вмялась внутрь крыша, грохоча и разрушаясь во время движения, схлопнулись стены, поднялся пузырем пол! Жуткая какофония воцарилась в заброшенной части промзоны, а я все лепил, лепил из эллинга огромный ком, сжимал его, давил, пока щупальца не исчезли совсем.

– Вот, на фиг! – сказал я и плюнул себе под ноги, когда щупальца пропали, скукожившись под грудой обломков.

Похоже, мне удалось с ним расправиться! Ну надо же –

а разговоров-то сколько! Ермоловы – то, Ермоловы – это... Подумаешь! Придавил я его строительным мусором, вот и все дела. Тоже мне, сильнейший клан в Рос...

ТАДАХ! Ком из металла, бетона и дерева, в который превратился огромный элинг, разлетелся в стороны, настоящий дождь из обломков обрушился на покрытую снегом землю, и я увидел Клавдия: страшного, в изорванном кожаном плаще, с растрепанными волосами и окровавленным лицом.

– TENEBRIS DAMNATA PALUS! – проревел он, шевеля разбитыми губами.

А потом Тьма метнулась ко мне, проникла в нос, уши, в рот, в каждую пору моего тела, я почувствовал себя так, будто окунулся в бочку с вязким мазутом, и никаких шансов освободиться я не видел. Я вообще ничего не видел! Не слышал, не обонял, не... Да я дышать не мог и шевелиться – тоже. Ощущение стопроцентной гадливости и омерзения заполонило все мое нутро, меня мутило, тошнило – и я ничего не мог с этим поделать.

– Вот так, гаденыш.

Прозвучало это через минуту, час или год, я не знал. Глаза мои смогли приоткрыться, и сквозь пелену Тьмы я увидел Клавдия, который шарил по карманам своего рваного плаща.

– Крепенький паренек, должен признать. – Он погрозил мне пальцем. – Ничего, ничего. Я преподам тебе урок. Клятая Багна впитывает ману как губка, черпает до самого дна и даже дальше... Может, ты и восстановишься, вполне может

быть. Когда-нибудь. Но это не точно.

Он наконец нашарил то, что искал в кармане. Искомым оказалась банальная металлическая плоская фляжка. Открыв крышечку, Ермолов сделал хороший глоток.

– Это нехорошо – так поступать с девочкой, Михаил. Ты лишил ее всего, понимаешь? Положения в обществе, стабильного будущего, поддержки родных... Кантемировы? Нет, она не станет членом их клана, у горцев свои обычаи, которые Эля соблюдать не захочет и не сможет. Ты бросишь ее – я ведь вижу тебя насквозь. Смазливый сукин сын, ушлый и пронырливый, которому повезло выиграть в магическую лотерею. Ты поиграешься и сбежишь. Сколько у тебя таких девчонок было? Пальцев рук хватит? Ну-ну, моргай, моргай... Багна работает, и даже будь у тебя внутри винная бордосская бочка вместо резерва – скоро все будет кончено. Ты у меня станешь магическим инвалидом. А учитывая, что по факту ты – бездомный пройдоха, реабилитироваться ты будешь естественным путем. Годика два или три.

Ермолов снова отхлебнул из фляжки и аж крикнул от удовольствия. Я пытался понять, на каком свете нахожусь, что вообще со мной происходит, но осознать смог только одно: угол зрения был странным! Я, похоже, висел метрах в четырех над землей, лицом вниз, макушкой к Клавдию, смотрел на него, получается, исподлобья. И кое-что видел. Кое-что у него над головой.

– Понимаешь, какая штука, Мишенька... – Фляжка за-

булькала снова и вроде бы закончилась. – Эля – единственный человек, с кем мне было легко. Единственная родная душа, которая меня принимает. Принимала. И ты отнял ее у меня.

Зараза, как же мне хотелось орать на него благим матом! Какую дичь он нарезал, подумать только! Это и называлось – с больной головы на здоровую, точнее и не скажешь... Они там щенят убивают, и руки ножами режут, и очень хорошую девочку чмырят за то, что она – трансмутатор, а не темный маг, как будто это от нее зависит! А виноват – я. Ненормальные.

– А с Элей мы помиримся. Она ведь отходчивая, знаешь? И я, когда стану главой клана, приму ее обратно. Она Ермолова! – Он уселся в позе мыслителя на один из обломков, который уже стало слегка засыпать снегом, и разглядывал меня, устроив свой подбородок на кулаке.

Его локоть при этом упирался в колено, а вся фигура приобрела несколько расслабленный вид. И над головой у Ермолова я уже очень отчетливо видел кое-что весьма для меня интересное! Поплыл темный, точно – поплыл! Может, из-за фляжечки своей, может – от усталости и куража от мнимой победы...

– Ага, – сказал он. – Можешь попробовать погеройствовать, побрыкаться. Твоя бордосская бочка уже показывает дно, парниша. Ты теперь – почти цивилизный. И уж точно – не маг второго порядка. О, давай скажи, что хочешь, я тебе

разрешаю!

Клавдий пошевелил пальцами, и я почувствовал, как рот и нос освобождаются от... От... Я понятия не имею, что это было, я не видел его, только чувствовал бесконечную тошноту и омерзение.

– Бензовоз, – сказал я сразу, как только смог.

– Что? Какой еще бензовоз? – Он даже вскочил со своего трона из бетона, ржавой арматуры и снега.

– У меня резерв размером с бензовоз, – пояснил я и от души хлопнул ДВЕРЬЮ, которая висела у него над головой. И тут же пожалел об этом: заклинание Клятой Багны рассеялось, и я полетел вниз.

Только и успел, что извернуться и ткнуться в обломки сначала ступнями, потом – коленями, потом – ладонями, и только после этого – телом и головой.

– А-а-а-а-а-ы-ы-ыть! – Я корчился на камнях не столько от полученных травм, сколько от отходняка после слетевшей с меня Клятой Багны. – Туповатый ты, Ермолов! Ща-а-ас я тебя...

Я видел, что он в полной бессознанке лежит в пяти шагах от меня. А черная металлическая матовая дверь над его головой в полуприкрытом состоянии ходит туда-сюда, и из щели вылетают мерзкие черные хлопья. И, очертя голову, не думая и не рассуждая, я ринулся в эту дверь, потому что там и только там я мог противостоять этому чудовищу.

\*\*\*

Как может выглядеть Библиотека Темного мага? Классически! Огромный готичный зал, полный мрачных фолиантов в черных кожаных переплетах, кругом – позолота, темное дерево, паутина, копоть... Свечи стоят там и сям, на полках, на столах, на подоконниках... Гигантская люстра-подсвечник под высоким потолком, на ней тоже – свечи, свечи, свечи, оплывший воск и чадящие огонечки. И это меня называли парасуицидником? У кого в башке могут свечи стоять рядом с книгами вообще? У конченого психа, ясное дело!

На полу – мозаика со сценами охот и сражений, максимально натуралистично, с потрошением и кровищей. На стенах – гобелены с изображениями чудовищ и демонов. В общем – скучно и неинтересно.

Стоит отметить: среди всего этого мрака выделялись два шкафа гораздо более светлых тонов. Один – стеклянный, сверкающий ослепительным галогеном или ксеноном (не очень разбираюсь), как будто снизу установили лампы дикой мощности для подсветки. Там на полках в строгом порядке лежали стопки белоснежных листов бумаги на канцелярских зажимах, одинаковой толщины, исписанные идеальном каллиграфическим почерком. «АХ, АЛИСА!» – вот что значилось на стеклянной же табличке серебряными буквами, на самой верхней полке этого стеллажа.

А вот это – очень интересно!

Второй же шкаф относился к Эльвире, тут все сразу было понятно. Конечно – желтенький, теплый даже на вид, и

книжки в нем стояли сплошь в ярких обложках. Любит братец сестрицу. Это, конечно, хорошо... Но не для меня в данной конкретной ситуации.

– Гра-а-а-а!!! – раздалось откуда-то с потолка.

Чисто инстинктивно я отпрыгнул к одному из стеллажей – и вовремя! Сверху на пол грянулась мускулистая фигура, человекоподобная, но вместе с тем – нечеловеческая. Здоровенный черный резиновый гомункул без лица, ушей, волос и первичных половых признаков! Ну, и одежды тоже не было, понятно. И как только орал, без рта?

Он припал на одно колено и стал вертеть гладкой башкой, пытаясь обнаружить меня. Похоже – у Клавдия стояла ментальная защита, и я сейчас имел дело с ее проекцией!

– Давай, чучело. – Я не стал скрываться. – Иди сюда!

– Бырлы-бырлы, – прогудел гомункул таким голосом, как будто ему на лицо пакет надели. И ринулся в мою сторону.

А я что? Я шевельнул эфирные нити, и сдернул с потолка лампу со свечами, и надел на всю эту дурацкую фигуру сверху, фиксируя руки у тела. Часть свечей при этом попадала на пол, другая часть – на гомункула, заливая его воском и подкапчивая.

– Ыбрлы? – удивился страж сумрачного ермоловского разума. И возмутился: – Огрологлро!!!

– Ой, да иди ты на фиг, – вздохнул я, телекинезом открыл дверь, ухватился за люстру и вышвырнул бедолагу наружу.

Ментальные конструкты на свежем воздухе чувствуют се-

бя очень плохо, это я знал точно. А еще знал, что на выходе меня будет ждать дичайший срach.

Некоторое время я затапывал не желающие гаснуть свечи, а потом еще раз оглядел ставший еще более мрачным от потери главного светильника Чертог Разума и задумался. В конце концов, он сам на меня напал, и я имел право на контрибуцию! И я предпочитал взять свое информацией. Ультима Ермоловых – вот что меня интересовало. Я много времени провел, собирая сведения об этом, и имел кое-какие подозрения, но нужно было удостовериться. А еще я хотел, чтобы Клавдий перестал быть таким козлиной. Хотя бы на долю процента!

Где искать информацию про Ультиму? Наверное, она должна быть очень важной и хорошо защищенной.

Я закрыл глаза и осмотрелся в эфире. Кроме двух ярких шкафов с любимыми женщинами наследника Темного клана золотом светились и другие книги – то есть принципиальные вещи в жизни у Ермолова имелись, и это уже было здорово. Но золотом Ультима темных сиять не могла. Она, наоборот, как будто поглощала собой свет, закручивалась в воронку... И воронка эта располагалась в самом дальнем и самом темном углу.

Я открыл глаза и двинул через весь зал, раздвигая стеллажи и массивные шкафы легкими движениями рук. Здесь, внутри чужого разума, в этой визуализации несуществующей Библиотеки, мне было плевать на Клятую Багну, на ис-

тощение резервов и что угодно еще. Здесь я чувствовал себя сильным. Я знал, что могу навредить Клавдию, могу свести его с ума, могу перемешать ему воспоминания так, что он маму с папой друг с другом путать станет. Но я не собирался этого делать. В конце концов, если вести себя как последняя скотина – то ты скотина и есть. А если ты скотина – то зачем тогда жить?

Меня просто съедало любопытство. Очень интересно было, вот и всё!

Так что, увидев окованный железом и перевитый толстыми цепями сундук, я шагнул к нему, сорвал замок и цепи, распахнул крышку, жадной рукой ухватил свиток с пергаментом, прочел, что там было написано, положил на место и озадаченно проговорил вслух:

– Так, блин. В каком смысле – «Черное Солнце»? Нет, оно, конечно, эпично, и ну его на фиг, и молодцы Ермоловы, что аж с 1887 года не применяли, но, блин! А «Черная Немочь»? А как тогда?.. А КТО тогда?!

Потом подумал, положил свиток с «Черным Солнцем» на место, тщательно закрыл сундук и сказал:

– Ладно, фиг с ним!

И пошел к выходу, пытаюсь понять, как бы реализовать вторую часть плана: сделать Клавдия менее говнистым. И в моей памяти ничего такого подходящего не находилось. А вот в памяти Королёва, пожалуй, имелось кое-что подходящее. Глубоко вдохнув, я продекламировал громко, так, что

эхо отдавалось от стен, полки с книжками тряслись, а огоньки на оставшихся свечах танцевали и чадили:

– Когда на лице твоём холод и скука,  
Когда ты живешь в раздраженье и споре,  
Ты даже не знаешь, какая ты мука,  
И даже не знаешь, какое ты горе!  
Когда ж ты добрее, чем синь в поднебесье,  
А в сердце и свет, и любовь, и участие,  
Ты даже не знаешь, какая ты песня,  
И даже не знаешь, какое ты счастье! (стихи Э.Асадова)

Читая стихи, я дирижировал книгами, полками и шкафами. Они вальсировали, кружились по библиотеке, становились на свои места, отряхивались от пыли, освобождались от паутины. То, что Клавдий считал важным, то, что светилось золотом в этом царстве мрака – оказывалось на самых видных местах. Громоздкие и толстые тома с обидами, завистью и раздражением задвигались в самые дальние углы, черт знает куда, с глаз долой. Через дверь (внезапно!) вплыла лампа-подсвечник, и вместо оплывших и обгоревших воюющих огарков на ней горели пахнущие медом восковые яркие свечи.

Готический зал из декорации к фильмам ужасов преобразился в сказочное место, даже демонические рожи на гобеленах стали смотреть не с тупой яростью, а с некоторыми проблесками интеллекта во взглядах. И я был доволен результатами своего труда. В конце концов, пострадал только защит-

ник-гомункул, но у Ермоловых наверняка хватит денег нанять менталиста, чтобы он подсадил сюда новую тварюшку.

Напоследок я ухватил одну из свечей и, выводя буквы языками пламени – прямо над дверью огромными черными буквами из копоти написал:

«НИКОГО ТУТ НЕ БЫЛО, ОНО САМО!»

И вышел вон.

## Глава 3. Последствия

Клавдий лежал на спине в снегу и смеялся, глядя в небо. Он хохотал как сумасшедший, у него слезы из глаз текли. А я пытался пальцами добраться до кармашка на бедре – там у меня зелье регенерации лежало. Было очень тяжело, очень больно и грустно: я точно сломал себе что-то в нескольких местах, грохнувшись с высоты на строительный мусор.

– Ай да Титов! – фыркал Ермолов. – Ай да сукин сын! Ты еще и менталист, Титов? Ишь как оно вставило-то! Ой-ха-ха-ха!!! Хе-хе, мать моя! Хо-хо! А мог и убить, и с ума свести, ха-а-а-а... Но не сде-е-е-елал! Не сделал!

Я наконец извлек блестящую пробирку и, помогая себе телекинезом, подтащил ее ко рту. Скотское темное заклинание все-таки здорово выкачало у меня резерв, хотя то самое «на доньшке» все еще бултыхалось, а это значило – ни фига у Клавдия не вышло. Бензовоз есть бензовоз. Да и вообще, посмотрим еще – может быть, не бензовоз, а целый танкер!

Наконец пробка вылетела из пробирки, и кисловатая жидкость потекла мне в рот, я сделал усилие – и глотнул. Тело выгнулось дугой, все кости захрустели, волосы встали дыбом, из глаз брызнули слезы, из носа потекла кровь, и я громко простонал:

– Чтоб я сдох!!!

Эликсир оказался забористым. Я за него кучу денег отдал,

по наводке Лейхенберга ходил к Скоморохам, сразу после той истории с ремонтом крыши. Деньги были, и вложить их в концентрированное здоровье я посчитал правильным. Купил пять порций, отдал... Много! Очень много. Если б мне о таких суммах в мае сказали – я бы только пальцем у виска покрутил.

Бог знает какие редкие ингредиенты на это дело употреблялись, но я прямо почувствовал, как за минуту похудел килограмма на три. Отвратительные ощущения! Организм перегнал полученные из сожженного жира и мышц строительные материалы и энергию к поврежденным тканям и заработал на полную. Кости снова захрустели, мышцы загорелись огнем, я весь вспотел, меня била крупная дрожь... Но уже секунд через двадцать я был способен сесть и повертеть головой – осторожно, чтобы не рухнуть обратно.

– Клавдий, – сказал я, тщательно подбирая слова, – если ты хоть кому-то проболтаешься... Клянусь, я сровняю с землей всю недвижимость в мире, которая принадлежит Ермоловым. Сломаю каждый дворец и каждую халупу на фиг, камня на камне не оставлю. Будете малосемейки в земщине снимать и по ночлежкам кантоваться. Я тебе клянусь, Клавдий, я жизнь на эту дичь положу, но у вас крыши над головой не будет во веки веков!

– Хе-хе! – Он тоже сел и смотрел на меня, улыбаясь. – И будешь в своем праве. Я бы и сам не хотел, чтобы такая информация про меня выплыла на поверхность. Менталисти-

ка, надо же... Ты чертовски крут, Титов, знаешь? Клятая Багна должна была высосать тебя до дна, а ты мне в башку залез и чего-то там наворотил... Что ты там наворотил?

– Ультиму вашу подсматривал и стихи читал, – пожал плечами я.

А чего мне прятаться? Соврать что-нибудь? Так это же выдумывать надо! А в моем состоянии что-то сочинять было очень, очень тяжело. Казалось – по всему телу пробежалось стадо слонов, вдобавок к этому я отравился и подхватил жесточайшую простуду. При этом, например, то ли сломанный, то ли вывихнутый большой палец левой руки с хрустом встал на место и начал приобретать здоровый вид, теряя синюшность. Похоже, процесс продолжался!

– За каким дьяволом? – уставился на меня Ермолов. – Какие стихи?

– О! Стихи одного очень светлого человека. Замечательного просто. Из другого мира. Узнал от одного попаданца, – ухмыльнулся я через силу. – *«Ты просто не знаешь, какое ты счастье, ты просто не знаешь, какая ты песня!»*

– Зараза... – Он почесал затылок. – То-то я чувствую, у меня внутри все аж клокочет, хочется всех на свете осчастливить. Как бы не убить никого по пути домой, а? И ясность такая, собранность... Думал – коньяк попался что надо, ан нет: оказывается, ухажер моей сестрицы – менталист! Признавайся – не только стихи читал?

– Ничего такого особенного я не сделал. Порядочек у тебя

в чердаке навел, да и всё. – Я рукавом вытер пот со лба. – За такие процедуры я большие деньги беру вообще-то. Но тебе за просто так сделал. Это ведь логично: адекватные родственники жены лучше, чем неадекватные. Она ведь тебя любит и общаться не перестанет, я это сразу понял. Хоть ты и неприятный тип!

– В каком смысле – жены? – уставился на меня «неприятный тип».

– Ну, будущей, – беспечно отмахнулся я. – Сейчас-то какой смысл жениться? Колледж, то, сё... Несерьезно! Квартиру куплю, магазин открою – тогда да, тогда предложение и сделаю.

– Какую, к черту, квартиру? Какой магазин?! – Ермолов смотрел на меня совершенно ошалевшими глазами.

– Мансардную, в Ингрии, – принялся разъяснять я будущему шурина. – С выходом на крыши и видом на водоем. Пруды, река, канал, что-нибудь такое в поле зрения. А магазин – книжный! Буду волшебные книги продавать – и обычные тоже. Бизнес такой! Нам, бесклановым, крутиться надо, шевелиться, зарабатывать... Мы без серебряной ложки в заднице родились.

– Так ты жениться на Эльке собрался? – На лице его появилась дурацкая улыбка.

– Гос-с-споди Иисусе! – картинно всплеснул руками я. – А я о чем говорю?! Слушай, сестра у тебя посообразительнее будет, она – отличница... А ты как в школе учился?

– А я на домашнем обучении был... – грустно ответил он.

– Меня папа в школу и колледж не пустил.

– Меня тоже, – признался я. – И тоже – папа. Правда, когда он понял, что я перестарок – в интернат запихал, в такие перди жуткие, что ужас просто. А ты не перестарок?

– Не, я в четырнадцать тьмой инициировался первый раз, в восемнадцать – второй. Все по-ермоловски. Так выходит, что ты – никакой не сукин сын, а перспективная партия для моей сестрички? Маг с двойной специализацией и резервом маны, как бензовоз? И Эльку замуж зовешь?

– Ну, пока не зову, чтобы не напугать, – поднял ладони на уровень груди я. – Она ж эта... Трепетная лань. Еще начнет воображать всякое... Но позову. Как учебу закончим и со службой определимся. Служить же вместе надо, а если будем помолвлены – то нас и определяют в одну часть. Или на альтернативное место службы.

– Логично, – признал он. – Ты чертовски ушлый, знаешь?

– Да что с этим словом не так? – возмутился я. – Оно, хоть и значит вполне себе подходящие вещи, но звучит как-то оскорбительно! То ли ушлепок, то ли – уши! Нормально все у меня с ушами!

– Вообще-то ушлый зять – это очень неплохо. Если смотреть именно с такой точки зрения, имея в виду конкретно зятя, – успокоил меня Клавдий. А потом вдруг спохватился: – А ты не хочешь к нам в клан? Ну, не сейчас. Когда папа помрет. Я собрался реформы проводить, мне верные люди

не помешают, особенно если они еще и ушлые. Эльку-то я точно обратно звать буду – ну и тебя заодно. В кантемировский клан она не вступила, так что ничего непоправимого не случилось. Женишься, фамилию жены возьмешь, такое практикуется. Я вам сан-себастьянское поместье подарю, на берегу Черного моря! Вид там – закачаешься. И кофе варят вкусный. Будешь как сыр в масле кататься! А дети ваши наследниками станут, просто подумай, какие перспективы!

Он сделал жест рукой, обозначая масштабность и радужность возможного будущего.

– А? – несказанно удивился я. – Что?! Йа-а-а? Ну-у-у-у... А вот смотри, Борис Борисович идет, он очень-очень зол, и из руки у него огненный столб фигачит! Пора нам, наверное, расходиться...

– Ты подумай, подумай, – погрозил пальцем Ермолов. – Мы к этому разговору вернемся. А я полетел.

И не соврал. Щелкнул пальцами, и фиг знает из каких далей со свистом примчался знаменитый левитационный диск, на который Клавдий и запрыгнул, и улетел прочь, напевая что-то легкомысленное, вроде «ах, Алиса, как же нам встретиться...» Или типа того.

Ветер трепал его волосы, разорванный плащ развевался за спиной, а чудовищная аура из переплетенных щупалец преобразилась в шлейф мрака, который сопровождал Клавдия, как хвост – всякую уважающую себя комету.

\*\*\*

Это я где-то уже видел: скучную одноместную палату, казенное белье и Ольгу Андреевну Боткину в белом халате. Правда, и отличия имелись весьма существенные! Во-первых, все вокруг было мне знакомо, потому что лежал я в медблоке Пеллинского экспериментального колледжа. Это намного лучше интернатского лазарета! Во-вторых, рядом с Боткиной стоял Розен – лысый, высокий, источающий вселенское спокойствие. А если Розен рядом – значит, все будет в порядке. В-третьих, никаких гипсов и повязок на меня не накрутили, после того свирепого зелья они мне были без надобности. Ну да, меня капельку штормило, но не прямо-таки жестко. Так, как будто отходил после простуды.

– И что думаешь, Денис? – спросила Ольга Андреевна.

– Я думаю, что Титов – дурак, но дурак сильный, умный и везучий, – невозмутимо проговорил Розен. – Через пару дней с ним все будет в порядке. У него действительно феноменально большой резерв, я и не видал таких никогда.

– Подумать только – Клятая Багна от наследника клана Ермоловых! А этот лежит тут, улыбается! – Целительница посмотрела на меня сквозь очки. – Ты, Михаил, должен вообще-то рыдать о потерянном на многие годы даре, а не улыбаться.

– Но я ж ничего не потерял? – полуутвердительно заметил я. – Конечно, крышу Башни на Тверской я на место сейчас не поставлю, но кое-что могу... Хотите, мебель в палате подержаю?

– Не нужно ничего дергать! Я бы не рекомендовала ближайšie дней десять пользоваться магией вообще, – отрезала Ольга Андреевна. – Специальная диета, препараты, практики пополнения резерва...

– ...негаторная практика, – закончил ее мысль я. – Очень в тему! Нас зашвырнут черт знает куда, где нельзя будет пользоваться магией. С негаторами на шее. Подходит, да?

– Э-э-э-э... – протянул Розен. – Насколько я помню, смысл негаторной практики по выживанию как раз и заключается в том, что студенту ничего не угрожает, потому что он в любой момент может снять негатор и применить дар. А ты, получается...

– Ну, чисто теоретически практика ведь рассчитана на то, что ее можно успешно завершить, не применяя магии, верно? – предположил я.

– Теоретически – да, – кивнул Дэн. – Но старшие ребята рассказывали, что продержаться все две недели практически нереально. Все спекаются и снимают негаторы – раньше или позже. Ладно... Все равно решит Ян Амосович. Негаторная практика – только для магов второго порядка, она по индивидуальному плану разрабатывается.

– Так я пойду? – дернулся я с кровати. – План сам себя не разработает!

– Лежа-а-ать! – Голос Боткиной звенел сталью. – Клятая Багна у него, а он – «я пойду»! Никаких «я пойду», как минимум до утра! Мне хладный труп в общежитии не нужен!

Будешь тут – под присмотром. Розен, ты сегодня дежуришь? Замечательно. Ночь переночует, утром – полное обследование, и решим...

Наконец лекари покинули палату и закрыли за собой дверь. Благо прозрачного зеркала тут не было, никто за мной не подсматривал, так что под кроватью слышалось копошение, и спустя пару секунд появилась растрепанная Эля. Она тут же принялась поправлять одежду и волосы, отряхиваться и, по своему обыкновению, пытаться рассказать все и сразу:

– Я чуть не чихнула, ужас как в носу чесалось, представляешь! Я терла нос, терла... А-а-а... Чи! – Чих у нее получился, как у птички какой-нибудь. – Во-о-от, полегчало. И что, что там было с Клавдием? Вы подрались? Почему он мне звонил такой веселый? Сиди, сиди, я сейчас тебя с ложечки кормить буду!

И реально уселась на постель, достала из-под кровати контейнер с едой и ложку и приготовилась меня кормить! Как будто я лежачий больной! А я – не лежачий больной, точнее, чисто формально – да, но только принудительно. Я вообще уверен, что это Борис Борисович специально Боткину подговорил, чтобы она меня мучила и никуда не пускала. Он в ботинки снега набрал, когда за мной шел, и потому сильно злился.

– Открывай рот! – сказала Эля. – Давай, ложечку за Людвига Ароновича, ложечку за Яна Амосовича...

Я просто смирился. Ну, вот такая придурь ей пришла в голову, захотелось обо мне дико позаботиться. Ну и ладно! В конце концов – кормила она меня картошкой с мясом, что тут плохого? Интересно, а картошка с мясом подходит под понятие «специальная диета»?

– ...ложечку за Георгия Серафимовича...

Как Эля оказалась под кроватью? Так она с трансмутацией освоилась! И теперь сквозь стены проходила. Очень просто – раздвигала любую преграду, шагала вперед, задвигала за собой. Трансмутировала сплошную стену в стену с дыркой, делов-то! Главное, чтобы там проводов не было и других коммуникаций, иначе ни разу не секретно получалось. Страшная сила, на самом деле.

– ...за Сигурда Эриковича! – Меня ожидала следующая ложка. – И что там Клавдий? Как все прошло?

– Эля! Ты или корми меня, или спрашивай! – с полным ртом прошамкал я.

– Ой! – отпрянула Эля. – И правда. Рассказывай, что там случилось? И на вот, тут чай с лимоном, в термосе! Сейчас я тебе в крышечку налью...

Я, честно говоря, на нее другими глазами посмотрел. Потому что одно дело – это клетчатые юбочки, блестящие глазки, пеньюарчики и всякие нежности-приятности. Это – понятно. Дробовик, побег из семьи, смена фамилии, готовность всегда за меня вписаться – это дело другое, тоже понятное и ценное. А вот картошка с мясом и чай с лимоном

– это третье! Как раз вполне перекликающееся с тем, о чем мы с Клавдием говорили. На такой девчонке точно надо жениться! Если она мне дико нравится и вообще – невероятная красавица, если она за меня готова в огонь и в воду, и чай в термосе приносит – то...

«Чего тебе еще, собака, надо?» – голосом Государя рявкнула память Руслана Королева.

Женюсь, точно. Но не прямо сейчас. Прямо сейчас как-то стремно.

– Ну да, мы подрались. Точнее – он на меня напал, я его эллингом придавил, потом он вылез, сделал какую-то дрянь, которую назвал «Клятая Багна»... Фу, просто дичь! – Я вздрогнул. – Но хрен там, я не поддался и вправил ему мозги. Но сильно поломался при этом. Потом все было как ты говорила: он что-то осознал, и мы даже нормально поговорили. Он такой весь веселый запрыгнул на левитационный диск и улетел в сторону Невы. Всё!

Что характерно, я снова не соврал!

– Та-а-ак! – Она задумалась и сама отпила чаю из хромированной крышки термоса. – А почему он мне сказал, чтоб я соглашалась? На что?

– Э-э-э-э... Ну, мы там про многое говорили... – стал закатывать глаза я. – Не зна-а-аю... Он, кстати, меня в клан звал. Поместье под Сан-Себастьяном предлагал! Говорит – когда ваш отец умрет, он реформы внутри клана организует...

– А ты что? – живо заинтересовалась Эльвира.

– А я – сам по себе, – откликнулся я.

– Эй! А я? – обиделась она. – Что значит – «сам по себе»?

Тут уж я отставил в сторону контейнер и термос, схватил ее и обнял крепко-крепко. Потому что нет лучшего средства от девчачьих обидок, чем хватание и обнимание. Нет, иногда они драться начинают, но до такого лучше не доводить.

– Конечно – я с тобой! Это само собой разумеется, ты чего? – заверил девушку я.

Эля едва ли не замурыкала, пристраиваясь рядом на кровати. Я лежал ногами под одеялом, она – на одеяле, и голова ее покоилась на моем плече. Кажется, и недомогание мое стало отпускать, и в голове мысли всякие интересные начали вертеться...

– Я вот так пять минуточек полежу, а потом в общежитие пойду. Надо думать, что мы с собой на практику возьмем, – проговорила она сонным голосом. – Может – дробовик?

### ***Интерлюдия***

*Ян Амосович нервничал. Его раздражал тот факт, что он так и не смог узнать – кто именно является к нему под мерцающей личиной. Хитрая электроника, зеркало Нехалены, сложнейшие конструкты – сквозь маску визитера не пробилось ни-че-го! Отец одного из самых перспективных и одновременно проблемных студентов Пеллинского колледжа явно обладал запредельным могуществом.*

*Из какой семьи происходит Михаил Титов? Кто ставил*

парню такой заковыристый отвод глаз? Почему при таких выдающихся способностях его до сих пор не вернули в клан? Да будь там правящий род хоть трижды могучим и трижды консервативным – телекинетик такой силы нужен кому угодно! В этом была тайна, и тайна страшная. А страшиться Полуэктов не любил.

– Я думаю, миллион денег в качестве пожертвования будет достойным признанием заслуг вашего учебного заведения на ниве взращивания молодой поросли российских магов, – сказал гость. – Поверьте, Ян Амосович, на самом верху высоко оценивают вашу работу. Столько инициаций второго порядка – это не случайность. Это признак эффективности. Признаюсь – не все одобряли излишнюю свободу, которую вы предоставляете студентам. Но ваши методы себя оправдывают.

– Самоактуализация, – сказал Ян Амосович, который был очень польщен и думать забыл про раздражение. – Вершина пирамиды потребностей. Особенно важна в молодом возрасте. Реализуясь через творческие активности, через созидательный труд, через креативные начинания в коллективе сверстников, юный маг чувствует, что способен на большее... И да, не питайте иллюзий – мы их не жалеем. Гоняем как сидоровых коз! И немалый риск в жизни наших воспитанников тоже присутствует.

– Практика, – проговорил гость и кивнул. – Хтоническая, негаторная. Об этом я и хотел с вами поговорить. Куда вы

*собираетесь отправить моего сына и в составе какой команды?*

*– Сан-Себастьянский сервитут, – не задумываясь, откликнулся директор колледжа. – Горный поход в долину Семии озер через перевал Пыв! Вместе с Ермо... Кантемировой. Пытаться их различить бессмысленно – первая юношеская любовь, и притом взаимная, это такая штука, что... Я бы не стал шутить с чувствами двух великих магов. Чревато.*

*– Какие уж тут шутки. – Эмоции под личиной считать было сложно, а интонации голоса не давали никакого представления об отношении говорившего к ситуации. – Это очень серьезно... Но, в конце концов, почему бы и не Эльвира? Они сработались, не скандалят, берегут друг друга... Одобряю. А вот место – не одобряю. Держите.*

*Он протянул Полуэктову конверт из желтой бумаги. Ян Амосович принял его и испытующе глянул на визитера, силась распознать хоть какие-нибудь эмоции. Но тщетно!*

*– Здесь – подробное описание маршрута и практическое задание, – пояснил мужчина. – Они отправляются в Васюганскую Хтонь. Пора парню встретиться с прошлым!*

## Глава 4. Очень важная задача

Я был взвешен, измерен и признан годным. Исходя из данных обследования – поединок с Клавдием прошел для меня без необратимых последствий. Хотя, как сказала Боткина – чем больше времени я не стану пользоваться магией, тем быстрее восстановится способность к оперированию большими объемами маны.

Принимая меня и Кантемирову в своем кабинете, Ян Амосович уточнил только, с кем именно я дрался, и, получив честный ответ, хмыкнул в бороду и положил перед нами на стол конверт из желтой бумаги. На его лице была написана целая гамма чувств, от одобрения до сожаления. Только сочувствия к своей персоне я не разглядел. Ну и ладно!

– Вот здесь ваше задание. Поедете в Братск, а оттуда – в Васюганскую Аномалию, – пояснил Полуэктов.

Мы переглянулись: Барбашин не соврал!

– Специфику понимаете: электричество в Васюгане не работает! – Директор смотрел на нас испытующе. – Магией пользоваться нельзя!

– Не беда, – дернула плечиком Кантемирова. – Можно взять винтовки и поехать верхом.

– Наверное, можно... – неуверенно проговорил я.

Это она у нас – наполовину аланка-горянка и по небесам на пегасах рассекает. Мой-то опыт верховой езды гораз-

до скромнее! Дед Костя приглашал к нам каких-то суровых всадников с раскосыми глазами, и мне пытались вдолбить эту сложную науку, но, признаться честно, я конячек побаивался. Большие они! Однако в седле держаться умел, и как-то даже километров десять по лесным дорогам мы с дедом Костей вместе верхом преодолели. Неспешным таким аллюром, скорее даже ускоренным шагом, чем тихой рысью. На этом он мучить меня прекратил, задница болеть тоже перестала – через пару дней, и больше я в своей жизни с лошадками дела не имел. Если не считать Выходцеву и Святцеву, конечно. Это те еще кобылицы!

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Полуэктов.

– Никаких проблем, – заверил я. – В чем наша задача? Просто пройти из точки А в точку Б?

– Есть карта, есть четкий маршрут, – кивнул Ян Амосович. – Есть азимут – с точки старта до каждого промежуточного пункта. Расстояние между ними – пятнадцать-двадцать километров, верхом преодолеть за сутки – вполне возможно. Это – Оазисы. Там вы найдете ночлег... Чаще всего местные привечают поисковиков-сталкеров, но всякое случается. Стоит быть осторожными.

– Мы будем, – закивали мы чересчур уверенно.

Директор с подозрением посмотрел на нас, а потом продолжил:

– Ваша задача – взять пробы питьевой воды в источниках, которыми пользуются в Оазисах местные. Если основ-

ная часть жителей пьет из колодца – значит, набираете из колодца. Если из озера – значит, из озера. Речка... Ну, понятно. Пробирки стандартные, по десять миллилитров, возьмите у Боткиной. Набирайте по два образца, чтобы довезти на верняка. Каждому – по комплекту. Задание – не бутафорское, а самое настоящее. Вы действительно поможете отечественной магнауке!

Убедившись, что мы прониклись, Ян Амосович откинулся в кресле, подумал немного и продолжил:

– Легенда у вас очень простая: вы ребята из Ингрии, сами – сервитутские...

– С Васьки, – вставился я.

– Пусть будет с Васьки, – небрежно отмахнулся Полуэктов. – Последний Инцидент сильно ваше материальное благополучие подкосил...

– ...крышу сорвало... – снова подсказал я, и тут даже Эля покосилась меня неодобрительно. Вообще-то она была права: перебивать – нехорошо.

– Пусть будет – крышу, – вздохнул Ян Амосович. – И вот, чтобы эту самую крышу починить, чтобы насобирать для этого денег, вы взяли работу в МНИИ Хтонической Аквамантии и отправляетесь в Васюганскую Аномалию на период Бабьего Лета. Пояснять нужно? Или в Сети почитаете? Тепло там будет, сравнительно. Вот это – главное. И на ингредиенты редкие – благодатная пора. Тоже – почитаете. Вот лихой народ туда и едет подзаработать. И вы – тоже. Кстати,

не возбраняется. Сможете что-то собрать и сдать без ущерба для основной миссии – никаких проблем. И из легенды не выбьетесь. Младшие научные сотрудники и внештатники нередко подрабатывают на стороне. Но, как говорится, есть нюанс.

Полуэктов через стол придвинул к нам два кожаных футляра – небольших, как для обручальных колец или типа того.

– Каждый из перстней – двухрежимный негатор. Собственно, без них практика превратилась бы в очередную хтоническую... Взгляните: пока в гнезде вот этот черный камешек, артефакт всего лишь приглушает вашу ауру и способности – примерно до уровня пустоцветов. Вас так и будут распознавать другие маги: два молодых оболтуса-пустоцвета, не более. Вынимаете камешки – и негатор становится полноценным, никакого магического воздействия на внешний мир вы оказать не сможете. Это – уже в Братске, понятно? Вышли на вокзале, в аэропорту или чем вы там доберетесь – и все, практика началась. Разбираетесь с проблемами без магии!

– Понятно...

– Если снимете перстни – я это тут же увижу, потому что футляры остаются у меня. Задачу в этом случае выполняете все равно, образцы воды – это не фикция и не пустышка, повторяю – это для серьезной научной работы... Эльвира, тебе, думаю, будет интересно: они уйдут Ядвиге Сигизмун-

довне Пепеляевой-Горинович, понятно?

– Да-а-а-а? – Глаза Кантемировой загорелись. – Ни-че-го себе! А мы... А я ее...

– Обещала приехать с мастер-классом по аквамантии в конце января. А мы ей – такой подарок! Не только ваши образцы, другие ребята получили аналогичные задания, но Васюганская Аномалия – огромная, на всех хватит. Выполнили задание – сняли кольца, оперативно вернулись в Братск или любое другое цивилизованное место и любым способом добрались до Пеллы. Возникнут проблемы – поможем, но все это скажется на итоговой отметке. Все понятно?

– Как добираться в ту сторону – тоже мы решаем? – уточнил я. – А билеты кто оплачивает?

– Колледж оплачивает, – успокоил Ян Амосович. – Мы получили значительное пожертвование, так что в плацкарте семь дней трястись не придется... Сами решайте, как вам удобно. У вас сутки на изучение матчасти и планирование. Если послезавтра в восемь утра вы все еще будете в кампусе, то я попрошу Бориса Борисовича, и он вас выпроводит за ворота. С собой можно брать то, что унесете собственноручно. И никаких телекинетических штучек, Титов!

– А что сразу я? – возмутился я. – У меня вообще-то вопрос другого плана!

– Какого плана? – прищурился директор.

– А можно перстни себе оставить после практики? – Я увидел нехорошие огонечки в глазах Яна Амосовича и тут

же исправился: – Выкупить! Выкупить у колледжа по себе-стоимости! Что – тоже нет? Ну, попытаться стоило... Классная же штука!

\*\*\*

Мы сразу решили: геройствовать не будем. Сказано, что можно как цивилизные – ну и ладно! Про фамильяра, например, никто не упоминал, и про зелья, и про учебник прикладной магии от четы Пепеляевых – тоже. Теоретически ведь цивилизный может пользоваться эликсирами? Да и фамильяр дело такое, спорное. Ну, был бы вместо яогая киберкотенок, ну и что? Конечно, хитрости все это, и духу практики не соответствует, но... Может, нам еще и лапти надеть, и пеньковой веревкой подпоясаться для аутентичности?

В итоге мы на двоих решили, что Эля изучает маршрут и планирует нашу скорейшую доставку в Братск, кроме того – собирает аптечку и покушать. А я отправляюсь за одеждой, обувью и снаряжением.

Оружие из холодного у нас было личное, это понятно: у меня имелся дюссак, у Эли – кинжал от главы клана Кантемировых. Вроде как – вещь стоящая. И выглядел клинок красиво, правда, из драгоценных ножен пришлось его «переодеть» в обычные, кожаные, и из рукояти самоцветы вынуть, но это – мелочи.

– А для котейки я накопитель заполню и буду из него подкармливать, – решила Эльвира и спросила у плюшевого питомца: – Будешь кушать из накопителя или тебя тут оста-

вить?

– Яу-у-у! – Котик подпрыгнул, сделал сальто и приземлился на четыре лапы. – Мня-у-у-у!

Он, в общем-то, вел себя хорошо и прилично, разве что один раз, когда мы вышли за фруктами в Пеллу, загрыз волкодава, который сорвался с привязи у магазина. А так – ничего, котик как котик. Даже миленький.

– Значит – нужен еще и накопитель, – сочла за согласие реакцию плюшевого фамильяра Кантемирова. – Как думаешь – Аронович поделится?

– Поделится, конечно. Если ты его вежливо попросишь! – уверил я.

Спустя полчаса я отправился за ворота, в магазин «Рыбачий дворик», где уже как-то затаривался одеждой и снаряжением. Видал я у них там разные интересности, да и вообще – место было таинственное, про него среди местных снага слухи ходили, мол, там достать все что угодно могут по всей этой охото-рыболовно-туристско-выживальщицкой специфике. Откуда я знал, какие слухи ходили среди снага? Так сектор же! Один большой табор! У нас там каждой твари по паре.

Одевшись по-зимнему и прихватив с собой рюкзак для вещей, я пошел к воротам. После сессии для старшекурсников жизнь в колледже замерла, и поэтому распорядок дня у нас был довольно свободный, разве что завтрак-обед-ужин давать продолжали по расписанию. Кормили вкусно, да и в

столовой всегда можно было пересечься с друзьями-товарищами, пообщаться, что-то обсудить. Так что студенты старались приемы пищи не пропускать.

Младшекурсники, которые изучали в основном программы 9-10 классов, торчали за партами и с завистью пялились на меня из окон учебных корпусов. У них там алгебра, геометрия, география и история магии, а у меня тут – минус семь, снежок под ногами, солнце светит и птицы в лесу суеются вокруг кормушек!

Я, кстати, сразу после того, как за ворота вышел, птичкам подсыпал кое-чего. Дрозды, снегири, воробушки, синички и прочие пернатые накинулись на крупу и семечки с отменным аппетитом. У меня даже настроение поднялось! Птички – это всегда хорошо.

Выйдя из лесу к Ингрийскому шоссе, которое шло вдоль Невы, я двинул по обочине, особенно не торопясь. Добираться пешком до «Рыбацкого двора» было минут пятнадцать-двадцать, так что я собирался просто идти, смотреть по сторонам и дышать морозным воздухом пополам с запахами хвойного леса и неспящей-неумолкающей промзоны. Но насладиться прогулкой мне не дали. Завибрировал смартфон, и я с большим удивлением глянул на экран: звонил Афанасий Вяземский!

– Доброго здоровьичка, – ехидно поздоровался он. – Как там ваши косточки?

– Как там ваш желчный пузырь? – отбил удар я. – Афана-

сий, вы меня шокировали этим звонком! Где-то кто-то свистит на горе или умер в лесу? Вяземский о ком-то волнуется кроме себя любимого?

– Не знаю, кто там и где свистит, но я выбил для тебя оплату магической услуги по сносу заброшенного здания! – заявил он. – Четыре с половиной тысячи денег на дороге не валяются. Если б не постфактум оформляли, а сразу, с договором подряда – получилось бы гораздо больше. Короче, цени мою доброту, Титов.

– Ого! – сказал я. – Ни фиги себе.

– Ага, – откликнулся Афанасий. – Как говорится – зайдите в контору, получите и распишитесь.

– Это с чего такая навязчивая благотворительность, Вяземский? Ты меня пугаешь!

– А с того, что если ты и не пойдешь к нам в клан, я лучше буду иметь тебя в союзниках. Я видел, как ты скомкал эллинг, вживую. И видел видос, где ты разводил мост. Думаю, даже величайший телекинетик-металлист всех времен и народов Магнус Эйзенхардт такое бы одобрил! Талантливый ты парень, Титов, хоть и бестолковый.

– Он что – кхзад? – Я краем уха только слышал про этого Эйзенхардта, но меня всегда больше отечественная история интересовала.

– Магнус-то? Ага, – сказал Афанасий. – Инициировался в арагонском концентрационном лагере... Ну что – зайдешь?

– Зайду, – заверил я. – Только вот до магазина схожу, кое-

чего прикупить выбрался.

– Тогда я еще поработаю, тут на Тосно попросили лед убрать, хотят провести ходовые испытания одного суденышка... Звони, в общем.

Я сунул смартфон в карман с ошарашенным видом. Надо же, кучно пошли! Два типа, которых я считал неадекватными, начинают вести себя адекватно! Неужели дело только в моих возросших силах и появившемся на этой почве уважении? С Клавдием по совокупности факторов мы были, пожалуй, почти на равных. Афанасия я бы, наверное, уделал, если бы мы сошлись один на один...

Нужно будет посмотреть, как Вяземский ведет себя с новенькими: если пытается их чмырить – значит, дело и вправду только в грубой силе. Это было бы досадно.

\*\*\*

Заходил в «Рыбацкий дворик» я с опаской. Прошлый мой визит сюда закончился покушением! Но теперь-то я был настоящим волшебником, пусть и с медицинской рекомендацией не применять магию как можно дольше...

– Здравствуйте, – сказал я ярко накрашенной женщине, которую запомнил с прошлого раза.

Сейчас она не выглядела такой уж уставшей, вполне себе бодро разгадывала сканворды.

– О! – обрадовалась она. – Челодой малавек!

И рассмеялась. Тоже – запомнила! Она ведь и в прошлый раз меня так назвала, эта земская продавщица.

– А что вас интересует? – спросила она. – Смотрю – рюкзачок наш носите? Подошел?

– О-о-о-о да, отличный рюкзак! – Я подошел поближе, убедился, что никого нет, и спросил: – А есть опричные вещи, которые выглядели бы как земские? Ну, одежда, обувь с самоподгоном, может быть – бронежилеты скрытого ношения, средства самообороны...

– Тш-ш-ш-ш! – тут же сообразила продавщица. – Есть кое-что, но не здесь. Подождите меня пять минуточек, никуда не уходите. Я сейчас!

Она вылезла из-за прилавка, улыбнулась мне жизнерадостно и скрылась за плотной черной занавеской в углу. Я на всякий случай скинул с плеча рюкзак и стал делать вид, как будто усиленно в нем что-то ищущий. На самом же деле я нащупал рукоять дюссака и контролировал окна и входную дверь: тихий гул электрокара на улице, который раздался одновременно с побегом продавщицы, заставил меня заподозрить неладное.

Эфирные нити едва ли не звенели от напряжения, я мог обрушить все здание или проткнуть подъехавшую машину несколькими бетонными опорами, которые в беспорядке лежали у соседнего забора, но, конечно, не делал этого. Я ж не психопат-убийца!

Мне было жутко интересно, я ждал развития событий. И дождался!

И минуты не прошло, как послышалось цоканье каблук-

ков по очищенному от снега крыльцу, потом я почувствовал необыкновенный свежий запах, в котором смешался мед, ароматы цветущей поляны, вешние воды, пряные травы и что-то еще, прекрасное и нечеловеческое.

– Elen sila lumenn omentielvo! – проговорил голос, который мог принадлежать только высшему существу, не иначе.

Я, честно говоря, офигел, когда увидел, КТО оказался в этом Богом забытом рыбацком магазинчике. Это был просто вынос моего бедного молодого мозга, а еще – эндокринной и нервной систем сразу. Сказать «красавица» – ничего не сказать. Наверное, вот именно в этом случае сильнее всего подходил термин «секс-бомба», хотя такие клише меня всегда бесили.

Высокая блондинка с точеной талией, идеальными длинными и сильными ногами, высоким упругим бюстом, аристократическим изгибом шеи, абсолютно симметричными, невероятно правильными чертами лица, пухлыми алыми губками и бездонными зелеными глазами. Волосы ее были убраны в затейливую прическу, из одежды – только зеленое короткое облегающее платье и босоножки на золотом шнуре, который обвивался вокруг ее щиколоток и выше – почти до колена. Коленки я рассмотрел хорошо: длина платья была экстремальной, и вырез – тоже.

И ушки. Острые, очень характерные... Передо мной в изящной позе стояла авалонская эльдарка, совершенно точно. И, осознав это, я на секунду прикрыл глаза – и нырнул в

Библиотеку. Секунды мне хватило, чтобы загнать всю юношеско-подростковую гормональную дичь напрямиком на антресоли, стукнуть себя раз двадцать по виртуальным щекам виртуальными же ладонями и вынырнуть обратно.

Вообще-то я Элю люблю! Плевал я на все эти ножки и сиськи! Пусть хоть голая тут ходит! Тоже мне!

– *Nai sinda ná ni, ar nai ná ni úva, pánuæ*, – откликнулся я.

Это должно было звучать как «Видеть вас – одно удовольствие, не видеть – другое!», но получилось довольно криво. Я не особенно большой специалист в авалонском диалекте эльфийского, больше на ламбе умею, который наши русские галадрим и лаэгрим используют.

– Давайте будем говорить по-русски, Михаэль, – пропела нимфа. – Меня зовут Инвитари Лауранна, магический атташе консульства Королевства Авалон в Ингрии. Я здесь для того, чтобы позвать тебя домой, юный маг. Светлые Лорды предлагают тебе место подле себя, готовы наделить тебя землей, подобающим титулом, положением в обществе, возвысить над другими людьми.

Она говорила уверенно, так, будто никаких сомнений в моем решении не существовало в природе. Меня только что типа благодетельствовали с ног до головы, я должен припасть к ее стопам и плакать от счастья. Авало-о-о-о-он, какое счастье! Какая радость! Да? Нет!

– Так, ять! – сказал я и сунул руки в карманы.

Я смотрел на нее и никак не мог понять – на что они во-

обще рассчитывали? Нет, то есть в общем и целом – оно было понятно. Фактически я – маг-сирота, очень перспективный и безмерно одинокий. Мне восемнадцать лет, не женат, родня себя никак не светит, ни к какому клану не принадлежу, нигде на службе пока не состою. И от вида сей раскрепасной особы (реально – сексуальная фантазия какого угодно мужчины на максималках) я должен был просто в осадок выпасть. А от предложения стать авалонским эсквайром – и вовсе улететь на небеса от счастья. Прекрасная женщина, земельный надел, Авалон – тройной удар!

Но оно как-то обидно стало: меня и вправду за такого дурачка держат?

– Что вы сказали? – Не знаю, сколько лет было этой королеве фей, но глазами она захлопала вполне натурально и даже на «вы» перешла.

– Я сказал: «так, ять», – повторил я. – Кстати, вам в платье и босоножках не холодно, зимой-то?

– Нет, благодать Авалона хранит меня... Что значит «так льяць?» – Из ее уст это звучало не комично даже – противостоестественно.

– Крайняя степень недоумения, – пояснил я.

– Но не отрицание? – Она подняла бровь.

– Отрицание звучит по-другому. Обычно в русском языке в случае отрицания крайней формы обозначают направление, и я уже подумываю...

– СЛОВО И ДЕЛО ГОСУДАРЕВО!!! – раздался дикий

рев со всех сторон, окна лопнули, дверь взорвалась, и магазинчик оказался до отказа полон лихими демонами в черной броне, с белыми эмблемами собачьих голов и метелок.

– У меня дипломатическая неприкосновенность! – панически зазвенел голос эльфийки.

– Твою ма-а-ать! Тогда свали нахер отсюда, вместе со своей неприкосновенностью! – раздался свирепый рык из-под шлема.

– Вот, – пояснил я, даже не пытаясь вырваться из цепких лап опричников. – Это и есть крайняя степень отрицания.

## Глава 5. Начало пути

Опричники отвезли меня обратно, к самому кафе «Альфа», и теперь мы сидели внутри и обсуждали происшествие. Посетителей как сквозняком сдуло: десяток парней в опричной броне одним своим видом у кого угодно аппетит отобьют! Однако персоналу заведения было грех жаловаться: бронированные громилы заказали себе покушать и теперь рубали тушеную капусту с сосисками, рис с котлетами и рас-сольник, по две порции, с явно видимым энтузиазмом. Я пил кофе «три в одном» и слушал, что говорят штабс-капитан и поручик.

– Нет, определенно – ее нужно объявлять персоной нон-грата! – кипел Барбашин. – Совсем островитяне офонарели, вербуют нашу молодежь прямо у ворот учебного заведения! Это подумать только, а? Дипломатическая неприкосновенность, проклятье!

– Как будто впервые, – пожал плечами Голицын. – Норм-а-а-ально. Видели – у Михи в руках уже свинорез был. Он бы ее выпотрошил, если б она давить попробовала.

– Не стал бы я никого потрошить! – возмутился я. – Что за идея? Нет, если б она там колдовать принялась или еще что-то – то секанул бы по руке или по ноге, для остратки. Но прямо потрошить... Фу! Девчонка же!

– Фу? Она – природная ведьма, страшное чудовище по-

хуже Аспида! – заявил поручик. – Хотя, конечно, красивая, зар-р-р-раза. Понятно, почему к парню ее послали, а не этого их Гилдора... Но ты, Миха, у нас кремень, да? У тебя же девчонка была, черненькая такая, тонкая-звонкая...

– Чего это – «была»? Есть! – с немалой долей гордости откликнулся я. – А эти эльдарки, они как... Ну... Как из рекламы майонеза. Такие приторные, аж противно. Хотя если говорить с точки зрения эстетического объекта – то да, очень красиво. Но тошно.

– Тошно ему... Увели бы – и пиши пропало! – Барбашина передернуло, в его глазах на мгновение появилось выражение вселенской тоски. – И всё, конец нам всем.

На секунду в глазах этих героических мужчин и великолепных воинов сквозанула такая черная тоска, такая безысходность, что мне стало предельно ясно: они знают!

– КТО Я ТАКОЙ?! – неожиданно даже для самого себя рывкнул я, хлопнув обеими ладонями по столу.

И вдруг все опричники вскочили – по стойке смирно – и жажнули бронированными кулаками в левую сторону груди. А Барбашин, моргнув несколько раз ошарашенно, не отнимая кулака от грудной бронепластины, проговорил странным голосом:

– Михаил Федорович, Христом Богом прошу: скажите, что вы ничего не спрашивали и нам послышалось. Ради всего святого!

Мне стало его жалко. И его, и Голицына, и Оболенского,

и Вакутагина, и Соколова, и остальных. Блин, мужики – на службе, а я тут со своими личными моментами и проблемами отцов и детей. Им и так сложно: похоже, дежурят черт знает сколько часов в сутки именно из-за моей персоны! Подобраны-то один к одному, каждого из них я знаю, каждому – доверяю! Эх, Барбашин, а говорил, мол – закончилось кураторство...

– Ладно, ничего я не спрашивал, – кивнул я через силу. – Это была слуховая галлюцинация. Все равно, как я понимаю, очень скоро многое прояснится.

– Ху-у-у-у... – раздался слитный вздох, и опричники уселись на свои места и снова заработали вилками и ложками.

– Вообще-то эльдарка – не первая, – сказал я, хмуро глядя в стакан с отвратительным кофе. – Меня уже звали в кланы.

– И кто же? – поинтересовался Голицын. – Радзивиллы?

– Почему – Радзивиллы? – удивился я.

– Так у них там это... Демографическая яма, – ухмыльнулся он. – Семь лет как.

– Я бы сказал даже – проплешина, – кивнул Барбашин. – Выжженная земля. Им теперь не до чистоты крови и дара, готовы в клан любых великих волшебников принимать хоть с улицы, только на условиях принесения кровной клятвы и смены фамилии... Не смотри на меня так, это твой знакомый полесский интеллигент постарался.

– Пепеляев, что ли? Он же вроде адекватный! – засомневался я. – Или как?

– Ага, если дело детей не касается, – пояснил Голицын.  
– У него тогда сразу все клеммы срывает... И у дракона – тоже. Кто звал-то?

– Клавдий Ермолов и Афанасий Вяземский, – пожал плечами я. – Думаю – не последние. Все-таки с этим мостом я здорово засветился.

– Твою ма-а-а-ать, князюшко, представь, какие у них будут лица... – Опричники переглядывались и давились со смеху.

Наверное – это было нервное.

– Не соглашайся, Миха, – посоветовал Барбашин. – Даже если предложат полцарства и принцессу.

– Полцарства мне и на фиг не нужно, принцесса – тоже, у меня девушка есть. А вот снаряжения – нет! – развел руками я. – Что делать-то?

– Снаряжения? – На меня синхронно повернулись и поручик, и штабс-капитан.

– Ну да, да... В этом «Рыбацком дворике», говорят, можно было достать опричную снарягу, которая выглядела бы как земская! А теперь мне в чем в Хтонь идти? У нас сутки на сборы... – развел руками я. – И «Рыбацкий дворик» на ремонт закрылся после того, как ваша милая компания бронированных носорогов там погостила.

– Так... – Голицын побарабанил пальцами по столу. – Это решаемо. Сколько вас будет?

– Двое. Я и Эля.

– Э-э-э-эля, то-о-очно! – щелкнул пальцами он. – Ермолова!

– Кантемирова, – поправил его Барбашин.

– Бывает, – кивнул поручик. – Значит, два комплекта плюс нелетальные средства. Извини, Титов, «татаринины» я тебе через «Гуси-Лебеди» не отправлю. Зайди лучше в тамошнюю «Орду», назовись вольным сталкером, попросись в Общество Хтонической Самопомощи, они с оружием поспособствуют...

– Там есть Орда? – обрадовался я. – Это многое упрощает! Я знаю одного тролля...

– Да его полстраны знает, – вздохнул князь. – В общем, вперед, Федорыч, иди выполняй свои боевые задачи, а мы свои продолжим выполнять. Кстати – про магазинчик тот забудь, нет его больше в природе. Помещение – есть, магазина – нет. Шагай, Титов, шагай, а мы тут доедим и отчеты составлять станем... Эльдары ведь вой поднимут, что мы тут их дипломатиху угнетаем! А мы и не угнетали вовсе...

– А хотелось! – гыгыкнул кто-то из бойцов с соседнего столика. – Дипломатиха-то ого-го! Там есть чего поугнетать, ух, я б поугнетал!

Это, наверное, какой-то прикол у них был, про «дипломатиху». «Директриса» слышал, «авторка» – тоже слышал, «дипломатиха» – никогда не слышал.

– Гущенко! – рявкнул поручик. – Я твоей Наташке ка-а-ак расскажу!

– Господь с вами, поручик! Чего вы сразу...

Опричники загоготали, я попрощался с офицерами и двинул в колледж в полном смятении.

Они знали! Знали про меня кое-что, и я сделал что-то такое, что чуть не заставило их посыпаться! «Выдох Силы» – вот как это называлось. Самая первая интуитивная техника любого менталиста. Но не у меня, потому как я менталист не очень такой настоящий... А тут – прямое подавление воли, приказ, который действует на уровне инстинктов. И они вскочили с мест и стали звать меня по имени-отчеству! Ни фиги себе, а?

Наверняка у опричников стояла какая-то ментальная защита, или в боевой комплект входили специальные амулеты, вот они и удержались на грани. Хотя этот самый «выдох» некоторое время шлейфом действовал, похоже. Иначе с чего бы служивые меня «Федорычем» назвали? Это я – Федорыч? В восемнадцать-то лет? Дичь какая-то, а?

Но в сторону, все – в сторону! Это – мысли завтрашнего дня, как писал один из моих любимейших современных авторов.

\*\*\*

Эля, конечно, удивилась, что я пришел без обещанного снаряжения. Но я ее заверил, что все необходимое для экспедиции будет ждать нас в Братске, и такое объяснение ее вполне устроило. У нас имелся мой большой рюкзак на семьдесят литров и ее маленький – на сорок, и там вполне поме-

щался минимальный запас еды, холодное оружие, сменное белье, одежда и кроссовки, еще и место оставалось. Зачем все это? Так Бабье Лето в Васюганской Аномалии в этом году зимой началось. Самую большую российскую Хтонь ожидало глобальное потепление на три недели. меховые боты там без надобности...

Никто нас особенно не провожал. Кузевич на воротах пожелал удачи и проконтролировал, чтобы мы надели перстни – вот и всё. А еще сказал, что любой детектор наши айди-браслеты будет считывать как положено, ни единой отметки о статусе магов второго порядка никто не найдет, разве что спецслужбисты, но тем и так все, что нужно – известно.

Это было странно и непривычно, все-таки с нами тут все-ръем возились до этих пор. А как же – молодая поросль, надежда и опора... Хотя теперь из разряда «надежд» мы уже перешли в категорию «становой хребет Государства Российского». Ну а как? Мы – маги. И за каким фигом двух таких распрекрасных магов низводить сначала до уровня пустоцветов, а потом и вовсе – цивилизных? Только ведь плечи расправили, только силу почувствовали! Обидно, а?

– Штурман, – сказал я, обращаясь к Кантемировой. – Какая первая точка маршрута?

– Якорная площадь, – откликнулась Эля. – У нас через пятнадцать... А, нет, уже – через двенадцать минут маршрутка на Псков!

Я посмотрел на нее ошарашенно:

– Как – Псков? Это же в другую сторону! Мы же в Братск должны ехать!

– Кто тут штурман? – делано нахмурилась она. – Сам доверил мне маршрут прокладывать! Вот и страдай теперь, томись в неведении! Нефиг было с опричниками своими кофе пить, мог зайти и со мной все билеты позаказывать!

– Кофе, – покивал я. – С опричниками. Ладно, доверюсь женщине.

Я не стал ей рассказывать про авалонскую эльфийку и платье с вырезом, дурак я, что ли? А про Барбашина с Голицыным – поведал. Вот она и думала, что я там фигней занимался.

Спустя шагов двадцать Эля сдалась:

– Ну все, Миха, я пошутила.

– Не едем в Псков? – обрадовался я.

– Едем! Но не в сам Псков, а в аэропорт. Имени княгини Ольги, между прочим! Оттуда – самолет в Иркутск, без пересадок и дозаправок. Десять часов – и на месте, прики-и-инь! Вылетим в девять вечера, прилетим в... Вот блин! А во сколько мы прилетим, там же другой часовой пояс? – остановилась она. – По-нашему понятно, примерно в шесть. А по-тамошнему?

– Разберемся, – уверенно сказал я, подтянул шлейки рюкзака, взял Элю за руку в вязаной красной варежке, и мы пошли на маршрутку.

Никакой уверенности я на самом деле не чувствовал. Во-первых, потому, что слышал, мол, с колюще-режущим на борт самолета даже дворян не пускают, все в багаж надо сдавать. А во-вторых – я на пассажирских авиалайнерах не летал никогда. На конвертопланах – да, но конвертоплан – это совсем другое дело! Это ж не десять тысяч метров над землей! Бр-р-р-р...

Еще и перстень этот дурацкий. А ну как навернется, а я и среагировать вовремя не смогу? А если и смогу – удержу целый самолет или как?

– Ты чего такой бледный? – спросила Кантемирова.

– Ничего, ничего. Холодно. Пошли быстрее! – отреагировал я.

Маршрутка была самая обычная – «Антилопа». Точно такая, как те, которые под «Мостом глупости» себе крыши плющили, только в пассажирском варианте. Народ уже грузил багаж в задние дверцы, и баулы там были что надо – величиной со среднестатистического кхзада примерно. С тоской глянув на свой рюкзак, я решил:

– Вещи берем с собой в салон.

Расплатившись с толстым дядькой в дубленке, который тут играл роль водителя, мы протолкнулись на последние свободные места – сзади. Спустя три минуты пыхтения и страданий у окошка устроилась бабуся в красном драповом пальто и бёрдском пуховом платке, после нее – Эля, потом, выставив ноги и рюкзак в проход – я, и далее – два кхзада,

которые страшным шепотом ругались на шпракхе. Я старался не прислушиваться, потому что костерили они друг друга просто невероятно, можно даже сказать – эпически.

Остальные пассажиры представляли собой классических обитателей земщины: прокуренные дядечки, тетеньки с волосами странных цветов, студенты... Что им всем понадобилось в Пскове? И что там вообще, в этом Пскове? Опричнина, земщина, сервитут или такая же дикая мешанина, как в Ингрии?

– Поехали! – радостно объявил водитель, запустил двигатель, подождал немного – и вывернул с парковки на трассу. И включил музыку.

*– Я водки как-то выпил,*

*Потом в тюрягу сел!*

*Через два года вышел,*

*И снова водку пил!* – захрипел динамик.

Бабуся рядом с Элей перекрестилась, кхзазды перестали ругаться, дядечки оживились, студенты надвинули на головы капюшоны и шапки. А Кантемирова – та оказалась очень хитрой. Она сняла варежки, достала беспроводные наушники и сунула их в уши. Еще и язык мне показала:

– У «Неизвестных» новый альбом вышел! Все никак руки не доходили, а вот теперь – послушаю. Дай сюда свое плечо, я на нем буду лежать!

Это было, конечно, приятно, но не очень удобно. Рюкзак, гномские локти, Элина голова, песня про водку, тюрь-

му, чертей и братанов, запах от ароматизатора-ёлочки, бабулиных духов и какой-то чесночной еды – все это потихоньку начало меня допекать, так что я не выдержал – и нырнул в Библиотеку. Эскапизм чистой воды, но что делать?

И да, есть на свете восемнадцатилетние парни, которые знают, что такое «эскапизм». Правда, вслух я такое не говорю, поймут неправильно.

Я уже научился удерживать себя в состоянии полусна-полубодствования, не выключаясь из реальности окончательно и при этом работая с Чертогами Разума. На сей раз меня интересовала Клятая Багна и восстановление после нее: я точно читал обо всем этом в трактате не то Сильвестра Медведова, не то – Ивана Висковатого. Клана Ермоловых тогда еще не существовало, он в эпоху покорения Кавказа усилился, а вот Темных – хватало...

В общем, я принялся искать книгу, потом – вчитываться в хитросплетения старорусского витиеватого языка. В итоге – понял, как работала темная дрянь, которую применил Ермолов: она не только впитывала резерв, но еще и забивала эфирные каналы, как тромбы и холестериновые бляшки забивают сосуды. Если у пустоцвета они были, скажем, как соломинка для коктейлей, а у нормального молодого мага второго порядка – как садовый шланг, то у меня – размером с ливневую канализацию. Поэтому ничего критичного со мной и не случилось. Резерв своими целительскими методами Боткина с Розеном в порядок привели, но для полной

реабилитации требовалось еще и «ливневку» прочистить, этим я и занялся – настолько, насколько возможно в полной пассажиров маршрутке. Уж гонять ману внутри себя я умел виртуозно – спасибо Голицыну за его «батарейковую» практику. А тогда ведь таким дебилизмом казалось, просто ужас! Аналогия тут напрашивалась все та же: если, к примеру, на стенках труб налипла какая-нибудь органическая дрянь, то можно включить сильный напор – и ее снесет на фиг.

Этим я и занимался, пока бабуся не захрапела самым бесстыдным образом. Я бы никогда не подумал, что худенькая и маленькая бабушка может так надрываться! Однажды я слышал, как ревет взбесившийся дикий кабан, и тут ситуация была примерно такая же. По крайней мере, по уровню ощущаемой угрозы – точно.

– Химмельхерготт, – удивился один из кхзадов. – Это не женщина, это тойфелише шушпанцер!

Водитель даже притормозил: он подумал, что с мотором что-то случилось, и даже порывался залезть под капот, но ему мигом все объяснили прокуренные дядечки. Бабуля, кстати, во время остановки продолжила спать аки младенец. Разве что пуховый платок приподнимался в воздух при очередной мощной руладе.

– Ишь как мать притомилась-то! – уважительно проговорил шоферюга. – Ну, ничего-ничего, я музычку погромче включу, чтобы никому не мешало.

Как связано «погромче» и «не мешало» – это мне было

непонятно, но я вообще – парень тепличный, неопытный, в большом мире невеликий специалист, так что мало ли...

*– Однажды вместе с братом*

*На дело вышли мы.*

*С ножом и автоматом*

*Мы брали груз сурьмы... – сипела аудиосистема.*

До Пскова оставалось километров двести, и ноги у меня затекли совершенно.

Самое обидное во всей этой поездке было то, что я даже в окно посмотреть не мог! Нет, определенно – совсем не так я представлял себе начало эпического приключения! Конечно, я догадывался, что задача всей этой выживальщицкой негаторной практики – «заземлить» магов, показать им Государство Российское таким, какое оно есть во всем своем разнообразии и контрастах. С этой точки зрения поездка на маршрутке уже многому меня научила.

Например, тому, что я не хочу больше ездить на маршрутках. Лучше – пешком. Или – поездами. Или... В конце концов, индивидуальный транспорт типа электрокаров и байков никто не отменял!

А Эля, солнце мое, в какой-то момент вынула один из наушников и спросила ангельским голосом:

– Ты не против, если я еще музыку послушаю? У «Рекорд-Ансамбля» тоже релиз был – «Больше не будет горя и слез», прикинь!

– Классно, – покивал я. – Слушай, конечно.

И буквально через секунду ко мне повернулся сосед-кхазад:

– Хуябенд, юнген! А вы куда едете? Колбасу будешь? Хорошая колбаса, свиная! С чесноком! У меня, кстати, еще и пиво есть. Уважаешь пиво? Ульрих, дай киндеру пиво... Не хочешь? Ну и зря. А я вот выпью. Я пиво очень люблю, я на пивоварне работаю, и мне премию пивом выдают, йа-йа! Райское место. Меня, кстати, Йоганн зовут. Йоганн Себастьян Гаук! Меня мама в честь композитора назвала, только у него Бах фамилия, а у меня – Гаук! Но и композитор Гаук тоже был, кстати. А я – не композитор, я больше пиво люблю, чем музыку. Кстати, музыка у водилы – вердаммте шайзе, а?

– Ага! – охотно согласился я, и это была единственная и последняя реплика, которую мне удалось вставить.

Потому что Йоганн Себастьян Гаук кроме пива и колбасы с чесноком очень сильно любил трепаться, как водится у кхазадов – о политике. И это, наверное, неплохое и, в общем-то, даже хорошее качество. Минус тут имелся только один: бежать мне было некуда.

## Глава 6. Свобода

Свобода – странная штука.

Я задумался об этом в аэропорту, когда незнакомые люди в форме забрали у меня дюссак, все амулеты, зелья и раздели до трусов. Я чувствовал себя совершенно несвободным. Мне в этот момент предлагали довериться фиг знает кому, ходить строго по обозначенным дорожкам, стоять в очереди, как и все остальные, и вести себя очень прилично. И я должен был этих непонятно кого слушаться, чтобы потом получить уникальный шанс сесть в консервную банку, которая понесет меня по небу за девять тысяч километров. И такие расклады они выдавали народу за свободу передвижения и достижение цивилизации! Если вдуматься – это на самом деле странно: просто взять – и доверить всего себя людям, о которых ты знаешь только, что они уже много раз запускали в небо других людей. И нелюдей тоже.

Точно таким же несвободным я себя чувствовал в юридиках, в каждой из которых действовала целая куча неизвестных мне правил, обычаев и традиций. Свободны там были только представители правящего клана!

И, совершенно точно, о свободе речи быть не могло в опричнине. Там вообще в последние лет двадцать построили мир победившего кибертоталитаризма. Управляющие искины следят за каждым твоим шагом, даже в душе и туалете.

те, выдают рекомендации по питанию, режиму дня, форме одежды, физическим нагрузкам и уровню стресса, даже – по музыке, книгам и фильмам, и все это – почти обязательно к исполнению, а если станешь рекомендации игнорировать – это приведет к... К чему-то приведет, наверное. Ну да, там, в искусственном раю – очень комфортно и удобно! Например, никто никогда не кинется на тебя с кулаками, доступны любые лекарства и самые передовые технологии, а все бытовые проблемы давно решены – от них ты реально свободен. Просто делай свою работу: программируй, колдуй, проектируй, двигай магнаучный прогресс! Хорошее стойло для элитных ездовых лошадок.

Сервитут тоже давал иллюзию свободы. Оружием хоть обвешайся, магию можешь не скрывать, никаких тебе сословных привилегий: аристократу в зубы заедут точно так же, как распоследнему бедолаге-гоблину. Но – дроны в небе, камеры – на каждом столбу, спецназ – наготове, и не дай Бог тебе попробовать применить огнестрел или магию, если не звучит сирена, возвещающая об Инциденте! А кулаки и табуретки – это всегда пожалуйста, этим калечить друг друга не возбраняется, тут свобода, да. Однако обилие ссыльных, которые при всем желании окрестности Аномалии покинуть не могли – это, конечно, делало разговоры о свободе какими-то пресными. В Ингрии такого не было, потому что ссылать кого-то в Ингрию – это как козу в огород выгнать, но в других-то сервитутах – массово!

В земщине же, где вроде как право голоса, демократия и самоуправление, тоже на самом деле ограничений столько, что диву даешься. Сеть – черно-белая! Никакого оружия! Никаких сенсорных экранов, разве что везти втридорога из сервитута! Никакой магии! Много чего «никакого»! Да что там говорить – по сравнению с кампусом нашего колледжа вся остальная Пелла жила как будто на двадцать лет в прошлом. Мобильники кнопочные далеко не у всех были, вон в кафе «Альфа» телефон с диском стоял. Сунешь палец в дырку, возюкаешь, отпускаешь и слышишь такое «чк-чк-чк-чк-дзынь!» Девятнадцатый век, ей-Богу. Какая уж тут свобода?

В общем, если быть откровенным, вольной птицей я себя чувствовал разве что в лесу. Или – в Хтони. Надеяться, конечно, не на кого, но, по крайней мере, по собственному разумению о себе и о близких позаботиться никто не помещает. Это ли не свобода? А тут...

– Сударь, снимите ботинки и поставьте их в лоток, – говорит плотный дядечка с каменным лицом. – Ремень с металлической пряжкой? Снимайте. Это что у вас? Артефакт? Проблемы с контролем дара? Недавно инициировались? Покажите маркировку на перстне... Можно не снимать. Вода в бутылке? Более полулитра – запрещено, выбрасывайте. Проходите, следующий.

А котик-яогай, который притворялся сувениром-игрушкой в рюкзаке Кантемировой, вообще никого не смутил. Интересно!

Итак, в Псковском аэропорту меня раздели до трусов, Элю – до шортиков и топика. И всех остальных пассажиров рейса Псков – Иркутск – тоже так же. Двух азиатов увели куда-то в сторону, за стальную дверь. Понятно: после череды искусственно спровоцированных Инцидентов меры безопасности были усилены, и, наверное, в этом был смысл, и разумом я понимал рациональность происходящего. Но чисто психологически – без дюссака, без зелий, без амулетов – я чувствовал себя голым. Еще и перстень на пальце... И не вломишь никому как следует! Поведут за стальную дверь – что я там делать буду?

Получается, для меня свобода – это все-таки возможность кому-то вломить в любой момент, что ли?

– Ты чего – нервничаешь? – спросила Эля, встала на цыпочки и чмокнула меня в нос.

Мы забрали лотки с одеждой, которую аппаратура сканировала отдельно от нас, и теперь одевались.

– Никогда раньше не летал на самолетах, – сказал я. – Вообще, кроме конвертопланов, ни на чем не летал.

– О! – сказала Кантемирова. – Это мы исправим. Ты катал меня на «Козодое», я прокачу тебя на пегасе. Но потом. А вообще – ничего там такого удивительного не будет. Во время взлета ощущения, как на авалонских горках, потрясет минут пятнадцать. А потом – как на электрибусе, ничего страшного. Только не едешь, а лежишь.

– Я никогда не катался на авалонских горках, – вздохнул

я.

– Ой! Действительно! Ты же и на аттракционах никогда не бывал! – ужаснулась девушка. – Знаешь что мы сделаем? Как только вернемся с практики – махнем на «Остров Буян»! Не в смысле на настоящий остров Буян, а в Москву. В крытый парк развлечений!

– Думаешь, мне понравится? – Я закончил обуваться и теперь ждал девушку, перекинув куртку за плечо.

Ну и прикрывал Элю от чужих глаз, конечно. И так во время досмотра пялились все кому не лень. Убил бы!

– У-ве-ре-на! Ты так гоняешь на «Козодое», что явно заценишь всякие экстремальные штучки! – У нее даже глаза загорелись. – Вот о чем я буду мечтать и что буду планировать в этой скучной и грустной Хтони: как я затащу своего Миху на «Супер-Восемь», «Хали-Гали» и «Паратрупер»! Мы туда с Клавдием раз пять ходили, кла-а-асс! И на авалонские горки, конечно.

Наверное, это все были названия аттракционов, и я уже хотел туда попасть – хотя бы затем, чтобы увидеть Эльку с такими же горящими глазами еще раз. Ну и покататься тоже, наверное, интересно будет! Хотя экстрима в моей жизни в последнее время и без того хватало, порой даже через край.

Кантемирова наконец справилась с одеждой, взяла меня за руку, и чуть ли не вприпрыжку мы двинулись в зал ожидания. До рейса оставалось полчаса.

\*\*\*

Зал ожидания меня с авиацией несколько примирил. Тут была целая куча автоматов с едой, магазинчик, где продавали всякие интересности типа элитного шоколада, маленьких бутылочек с алкоголем и сувениров, и удобные кресла.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.